

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ИМЯ ПРИКАЗАНО
ЗАБЫТЬ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Имя приказано забыть

«Автор»

2007

Самаров С. В.

Имя приказано забыть / С. В. Самаров — «Автор»,
2007 — (Спецназ ГРУ)

Необычное задание получают офицеры спецназа ГРУ Сохно, Согрин и Афанасьев – пропустить американских военных спецов, сопровождаемых чеченскими боевиками, к секретному полигону, где будет проходить испытания новейший российский самолет-невидимка. Пропустить, обеспечить безопасность и позволить уйти. И сделать это так, чтобы ни американцы, ни боевики ничего не заподозрили. А как это сделать, когда за американцами охотится группа китайского спецназа, желающая загрести жар чужими руками: отнять у америкосов те секреты, что им удалось нарыть. Ну, с китайцами гэрэушники церемониться не будут, а вот америкосов придется побережь, хотя руки и чешутся. Но оперативная игра требует выдержки. Спецназ приказ выполнит, тем более все еще впереди...

© Самаров С. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	26
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Самаров

Имя приказано забыть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

– «Слоп-2», я «Шарк-3», вижу вас, господин полковник.

– Я тебя давно уже вижу. Ты мне сбоку головой монитор загорюдил. Какого черта ты опять рвешь график? – сердито ответил за полковника капитан-лейтенант. График движения мини-лодок – зона ответственности капитан-лейтенанта, и он вправе спросить по всей строгости.

– Сверху передали... С вами связи нет, просили найти... Срочно требуют на борт полковника Доусона.

– По какому поводу?

– Мне не сообщили. Просто – требуют срочно.

Полковник притянул к себе микрофон на гибком пальчиковом штативе:

– Ладно. Продолжайте выполнение задачи без нас. Аккуратнее с регистрацией, чтоб ничего не смазать, как в прошлый раз. Мы возвращаемся.

Капитан-лейтенант, пилот подводной мини-лодки «Слоп», формой в самом деле сильно напоминающей гигантского ската,¹ каких в здешних северных водах не водится, не дожидаясь подсказки полковника, начал выполнять предельно крутой разворот, наверняка чувствуя себя при этом гонщиком «Формулы-1». Лодку из-за этого сильно кренило, и ее размашистые крылья, в которых скрывались два роторных двигателя, упруго сопротивлялись нагрузке и вибрировали, передавая вибрацию всему корпусу. В самом конце разворота с экрана монитора исчез «Шарк-3», но тут же не на мониторе, а рядом – в лицевом иллюминаторе появилась довольно крупная, уверенная в себе акула,² и не испугавшаяся подводной лодки. Акула вполне в состоянии поспорить скоростью с таким слабосильным и тихим в эксплуатации суденышком, как «Слоп-2», а во время разворота тем более. И нахальная хищница сделала уверенный и изящный круг вокруг субмарины, а потом еще и проводила ее довольно далеко по прямой линии. Но в конце концов, видимо, убедилась, что это совсем не ее добыча, издает она совсем не те запахи, которые исходят от съедобных существ,³ и резко ушла вверх.

«Слоп» тоже стал подниматься к поверхности океана, хотя и не так быстро, как акула, и солнечный свет пробивающийся сквозь толщу воды позволил управляющему лодкой капитан-лейтенанту выключить наружное освещение, – аккумуляторы нужно беречь. Аккумуляторы у «Слоп» за три месяца испытаний стали притчей во языцех, о чем было известно даже полковнику, хотя он совсем не специалист в области подводного плавания, но вынужден заниматься этим малоинтересным, а главное, непрофильным для него делом, ради подготовки очередной операции разведки, что проводится под его непосредственным руководством. До начала самой операции необходимо просчитать каждый ее составляющий элемент. Вот и считают целую неделю, когда сроки поджимают и начальство торопит. Но полковник Доусон притянул все сам проверять с тщательностью, чтобы всегда быть уверенным в результате.

– База, я «Слоп-2»! База! – запросил связь капитан-лейтенант.

¹ Скот – от *англ.* slope.

² Акула – от *англ.* shark.

³ Акула способна уловить запах добычи за несколько морских миль.

– Я База. «Слоп-2», принимаем вас со второго шлюза. Полковника Доусона срочно требуют на связь. Передай, пусть сразу поднимается в радиорубку.

– Я понял, – сказал Доусон.

– Полковник понял, – продублировал капитан-лейтенант в свой микрофон, поскольку микрофон полковника отстоял от него дальше необходимой для слышимости дистанции. – Переключаюсь на второй шлюз.

* * *

Мини-субмарина зашла в шлюз без осложнений, которые порой случались из-за размаха непривычных «скатовских крыльев», и тут же была жестко зажата сильными пружинными фиксаторами на уровне переднего ребра жесткости, где продавить корпус невозможно. И так зажата, что даже оба двигателя, все еще работающие на малых оборотах, не могли ее вырвать из стальных объятий. Капитан-лейтенант двигателя не выключал, чтобы прокачать их уже без присутствия воды, как того требовала инструкция по эксплуатации экспериментальной подводной лодки. Очень капризной лодки.

Шлюз в корпусе базового корабля закрылся, застучали пневматические помпы, и вода стала быстро откачиваться. В иллюминаторы хорошо было видно, как она бурлит, образуя водоворот, втягиваемая мощным насосом в емкость, из которой потом, после фильтрации, убирающей следы экспериментального же топлива, будет выброшена в океан. Полковнику не терпелось поскорее выйти, и он даже руку положил на рычаг гидроподъемника, освобождающего крышку верхнего люка. А капитан-лейтенант положил руку на рычаг гидроподъемника нижнего люка, чтобы снизу осмотреть корпус, перед тем как покинуть шлюз – час назад лодка ложилась на грунт, и на ее поверхности могли остаться отпечатки. Но оба хорошо знали, что автоматика не позволит люкам открыться до того, пока вода из шлюза не будет откачана полностью. Только потом датчики контроля разрешат механизму сработать так, как того желает человек.

– Все! Можно, – дал команду капитан-лейтенант, когда на мониторе появилось разрешающая пиктограмма.

Полковник легко потянул рычаг на себя, маленький люк субмарины плавно поднялся, и сразу же сверху, из медленно откинувшегося большого люка в потолке шлюза, спустился механический трап. Доусон, даже не попрощавшись с капитан-лейтенантом, стал торопливо подниматься. В переходной камере его встретил матрос и молча указал на раскрытую дверь. Вторая дверь, как Доусон знал, вела в барокамеру и предназначалась для водолазов, выполнявших работы на глубине. Дорогу до радиорубки полковник Доусон изучил давно и хорошо, и быстро поднялся туда, мысленно привычно поругивая крутые корабельные трапы, сложные для преодоления обычными людьми и только морякам, наверное, и удобные.

Дежурный офицер связи встал при появлении полковника.

– Что произошло?

– Генерал Хант требовал немедленного разговора с вами.

– Соедини...

Процесс налаживания связи оказался не долгим – база работала через устойчивые военные спутники, и офицер протянул полковнику трубку асимметричной дисковой связи.

– Слушаю, полковник Доусон.

– Майкл! Извини, время терять не могу, у меня люди сидят... Короче, обстановка такая. К вам вылетел вертолет. Передашь все дела Полу Мердоку. Он вроде немного в курсе происходящего?

– Более чем... он полностью в курсе происходящего, поскольку является у меня «вторым номером». Он что, меня, как это называется, «подсиживает»?

- Вот-вот. Ты отстранен от работы.
- На каком основании?
- Вылетаешь с тем же вертолетом и сразу – ко мне.

Тон генерала Ханта вовсе не говорил о том, что полковника Доусона начали преследовать служебные неприятности. Грозное слово «отстранен» было произнесено так, что полковник, хорошо знающий манеру генерала разговаривать, понял – это просто конспиративное слово и ему, полковнику Доусону, поручают, скорее всего, какое-то новое дело, с которым другой справиться не может. Его всегда ставят туда, где другой справиться не может. Благодаря способности просчитать все детали и предвидеть любой ход потенциального противника. Непонятно только, почему так неожиданно. Обычно спрашивают его согласие и только потом вводят в курс дела полностью. Неожиданность, как правило, бывает связана с экстраординарной скоростью подготовки. Но это вовсе не профиль полковника. Доусон не любит и не признает импровизации. Но он человек военный, субординацию уважает и приказы выполнять умеет.

– Приказ понял, но все же мне было бы интересно узнать об основании. – На всякий случай, чтобы не портить себе настроение ожиданием непредвиденного и нежелательного, он все же попросил подтверждения своим мыслям.

- Основание мы вместе придумаем. – Генерал поставил точку в сомнениях полковника. Полковник совсем успокоился. Значит, так и есть – просто предстоит новая работа!

2

Рассвет окрасил окружающие горы малоподвижными волнами разного цвета. Где-то красновато-голубоватыми, где-то почти малиновыми, где-то серыми, а где-то темными. А в самые непролазные, заросшие лесом урочища он вообще еще не забрался, и даже не имел, похоже, таких намерений, понимая их тщетность. Впрочем, в подобных местах и днем порой не бывает достаточно света.

– Рапсодия, я Танцор! Три человека на перевале. Боевики... Вооружены... «Винторез» их уже «ведет», – раздался сдержанный голос в наушнике «подснежника».⁴

Полковник Согрин понял, что «винторез» троих «ведет» не за руку, но подполковник Афанасьев, которого друзья обычно зовут Кордебалетом, взял всех троих в прицел оптики своей винтовки «винторез». И «ведет», готовый в любой момент использовать боевые качества малозумной и сильной винтовки с наибольшей для себя выгодой. Если противник не ждет осложнений, хороший стрелок сумеет сделать три прицельных выстрела, прежде чем его «мишени» поймут, в чем дело.

Полковник поправил микрофон, крепящийся на дуге около рта.

– Я – Рапсодия, понял тебя, продолжай наблюдение, сам за ними не спускайся. Я здесь встречу. Бандит, что там с твоей стороны делается?

– Тишина... Спать хочется, – отозвался подполковник Сохно, занявший нижнюю тропу.

Вся отдельная мобильная офицерская группа подполковника Согрина состоит из трех человек. И все они – полковник и два подполковника, воюющие вместе с начала семидесятых годов прошлого века, еще со Вьетнама, утверждают, что никакого пополнения им не надо, поскольку задачи, которые выполняют они, невозможно выполнить большим составом, который может быть легко замечен противником. Пополнение всегда следует обучать, а им всем троим обучать кого-то времени уже не отпущено. Давно на пенсию гонят, и они вот-вот готовы уйти. «Чемоданы собирают», и нынешняя операция, по договоренности с руководством, должна стать для них завершающей службу. Слова «последней» в этом контексте все

⁴ «Подснежник» – коротковолновая миниатюрная радиостанция короткого радиуса действия, применяется для осуществления связи внутри небольших групп.

трое старательно избегали, предпочитая обтекаемое «завершающей». Война – суеверие дело обычное.

* * *

Схрон с оружием на самой границе Чечни с Дагестаном совсем недавно обнаружили местные милиционеры. Но система минирования оказалась настолько сложной, что трое милиционеров подорвались на хорошо замаскированном фугасе, и только после этого сообщили о находке в РОШ,⁵ а сами устроили у схрона засаду, поскольку имели данные, что кто-то вскоре намеревается сюда заявиться. Из РОШа прислали бригаду квалифицированных минеров. Те с задачей справились, склад разминировали, проверили и – ахнули. Помимо обычного оружия, взрывчатки и патронов, уже набитых в автоматные рожки, пять ПЗРК⁶ «Стингер» американского производства. Но... В самом складе – новое минирование, и опять какое-то хитрое. Пока минеры думали, как к новой ловушке подступиться, в РОШе опять какая-то мысль созрела. Успели связаться и разминирование отменить. Более того, потребовали восстановить старое минирование настолько, насколько это возможно, точно так, как было сделано боевиками. Местных милиционеров, проводивших скрытое охранение, срочно отправили в дальний район Чечни, даже не предоставив возможности увидеться с родственниками – просто посадили в вертолет и отправили подальше, где можно выспаться на посту.

И командировали на место действия группу Согрина. Задача стояла простая: узнать, чьи «Стингеры» хранятся в схроне, для чего они предназначены, а самое главное и самое сложное, как они к боевикам попали. Бывало, у боевиков появлялись «Иглы» или даже «Стрелы». «Стингеров» не видели уже давно. После смерти Дудаева, который лично, по своим каналам, добыл где-то несколько комплектов, не зарегистрировано ни одного применения американских ПЗРК. Подозрение возникло сразу – американские поставки грузинской армии уходят к чеченским боевикам. Доказать это – значит дать в руки политикам такую мощную карту, что все игры с эмбарго на поставки в Россию грузинского вина и минеральных вод покажутся детскими забавами. А военные всегда работают на политику, хотят они того или не хотят, и политики же оплачивает их старания...

Направление поиска звучало между скупых строк приказа, полученного спецназовцами от незнакомого генерала, откуда-то появившегося в РОШе, и добавления местного полковника, хорошо знающего обстановку:

– Сделаете дело, как его сделать следует, быть вам всем троим Героями... Хорошо на пенсию с Золотой Звездой уходить... Приятно... Я бы сам согласился, – напутствие прозвучало в таком тоне, что воспринималось, как угроза, потому что ничего не было сказано о том, что случится, если они «дело, как его сделать следует», не сделают...

Полковник Согрин, как и его офицеры, человек опытный и, естественно, предположил, что задачу перед ними ставят желаемую, но почти невыполнимую, хотя в то же время отказаться от приказа выполнить задание он не мог, тем более что операция завершающая карьеру. Вариантов просматривалось несколько. Первый, с которым и местные милиционеры могли бы справиться, уверенно обещает не дать никакого результата. Это если просто захватить тех, кто заявится за вооружением. Допросить можно. Допросить можно с применением скополамина,⁷

⁵ РОШ – региональный оперативный штаб по руководству антитеррористическими операциями на Северном Кавказе.

⁶ ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс, представляет собой приспособленную для стрельбы с плеча установку, которая после пуска ракеты позволяет контролировать и координировать ее полет. Обеспечивает высокую степень попадания по скоростным военным самолетам, по вертолетам и гражданским самолетам попадание стопроцентное. «Стингер» – аналог российских ПЗРК «Игла» и польской ПЗРК «Стрела».

⁷ Скополамин – психотропное (психоделическое) вещество, «развязыватель языков», «сыворотка правды», вызывает в мозге человека изменения, стимулирующие приступы сильной, неуправляемой и неконтролируемой болтливости, при которой эту

но кто даст гарантию, что эти люди знают что-то больше мальчика-пастуха из соседнего села? Их послали, они должны принести.

Другой вариант – приемлемый только для специалистов-разведчиков такого уровня, как офицеры группы Согрина, – дать возможность опустошить схрон и скрытно вести наблюдение за боевиками. Куда идут, куда несут, по возможности, определить цели, для которых «Стингеры» предназначены, определить людей, которые будут руководить террористической операцией, и только после этого принимать решение по захвату. Может быть, даже предоставить право захвата другим, не умеющим ничего иного, кроме проведения захвата, но умеющим проводить захват отлично. Главное – определить и показать! Больше языков, которые могут что-то сказать, больше возможность получить информацию нужного содержания. Поскольку все трое офицеры спецназа главного разведывательного управления, они больше разведчики, чем спецназовцы... Хотя в нужный момент могут быть и просто спецназовцами... Но в данной ситуации нужны именно разведчики... А потом уже начальство начнет и награды делить. В первую очередь, как и полагается, среди своих же, штабных.

Еще один вариант включал в себя наблюдение за всеми возможными системами связи, используемыми боевиками. Только что-то заметили, сразу передать данные в РОШ. Оттуда передадут в соответствующие службы. И вся возможная система электронного слежения страны включится в поиск источников разговоров. Что система включится, Согрин не сомневался, поскольку понимал, что могут натворить пять «Стингеров».

Впрочем, третий вариант не исключал, а только дополнял второй, делая его более сложным, хотя и более эффективным.

На прощанье незнакомый генерал все же представился:

– Я генерал-майор Воронов из ФСБ. Нам с вами придется часто контактировать...

И группа включилась в работу... Не за награды, конечно...

Но, как часто случается, срочность вступила в противоречия с действительностью. На складе не оказалось заряженных аккумуляторов для биноклей с ПНВ и ночной оптики «винтореза». Для купленного на базаре за свои деньги «тепловизора» Кордебалета вообще аккумуляторов не имелось. Пришлось идти, используя остатки заряда.

* * *

Как сообщил Кордебалет, боевиков было только трое. Это ставило новые вопросы и навело на новые мысли. Трое – это слишком мало для того, чтобы унести на себе пять «Стингеров», каждый из которых весит около двадцати килограммов, но, помимо «Стингеров», в схроне немало и другого вооружения и боеприпасов. А обезвреживать сложнейшие взрывные устройства ради того, чтобы только чуть-чуть довооружиться – это слишком рискованное дело. Наверняка боевики будут брать сразу много. Следовательно – идет только первая группа, скорее всего – разведка, за которой последуют и остальные.

Тропа петляла среди деревьев. Весенняя листва только-только пробивалась из почек к неуверенно светившему весеннему солнцу, и потому видимость была намного выше летней. И Согрин издали заметил, как зашевелились ветви на грани тропы. Бинокль сразу позволил рассмотреть и людей, шевелящих эти ветви. Шли осторожно, не торопясь на тот свет, контролируя разные стороны. Один выставил ствол ручного пулемета перед собой, готовый в любой момент нажать на спусковой крючок, двое других точно так же, как и первый, всматривались в лесные заросли по сторонам, ощупывали взглядом густые кусты. Пулеметчик впереди... Научились, значит, и боевики воевать неплохо. Тактически это верный ход, потому что

при внезапном появлении противника автомат при его обычном разбросе пуль является оружием малоэффективным или недостаточно эффективным, а пулемет со своей плотностью огня способен дать возможность подготовиться к бою всем идущим позади и одновременно нанести противнику значительный урон. Все правильно вроде бы, но толку, как прекрасно понимал Согрин, от этой правильности никакой. От засады на тропе это, возможно, и поможет, хотя тоже – едва ли... Засада, если она правильно устроена, для того и ставится, чтобы оказаться неожиданной, хотя ее и ожидаешь. И первые же пули срежут пулеметчика с тропы. А если задача ставится другая, если есть необходимость простого визуального контроля, то вообще никого определить так вот, на ходу, без долгого предварительного осмотра места действия через сильную оптику, невозможно. Может быть, и с оптикой тоже невозможно, поскольку от оптики можно и спрятаться. Даже от «тепловизора» спрятаться можно. Вот боевики и прошляпили Кордебалета.

Приближался самый ответственный момент. Если федеральные минеры и сумели восстановить минирование схрона так, что переминирование останется незамеченным, то высадить новые деревья взамен поломанных взрывом на тропе и восстановить скалу, иссеченную осколками, они никак не могли. И боевики подходили к месту взрыва, который унес жизни трех местных милиционеров.

Впрочем, боевики, остановившись на этом месте, удивления не выказывали. Даже улыбались, довольные делом рук своих, друг другу что-то показывали, делились впечатлениями – полковник хорошо рассмотрел их веселые с бородами лица в бинокль.

Говоря честно, Согрин считал, что разведка у «чехов»⁸ «работает хорошо, и о гибели трех неудачливых милиционеров боевики уже знают все в подробностях. Об этом, кстати, должны были и в РОШе позаботиться. И о подробностях тоже. Ярких и красочных... Похороны специально устраивали так, чтобы слух о них прошел по соседним селам. Но разговор исключительно о том, что менты на тропе подорвались – и только. О найденном схроне ничего прозвучать не должно было. И, судя по тому, что боевики сюда все же пожаловали, не прозвучало. Иначе они не показались бы даже близко.

Троица снова посерьезнела и двинулась дальше. Но шли, то и дело бросая друг другу реплики. Значит, бдительность утратили. И их счастье, что группе Согрина задача поставлена более сложная, чем обычно.

Наконец боевики добрались до нужного места. Осмотрелись. Убедились в безопасности. И только после этого опустили оружие. Тот, что шел первым, вытащил обыкновенную китайскую «коротковолновку» с радиусом действия в пределах пары километров и что-то сказал. Догадаться нетрудно – передал приглашение к «праздничному столу».

– Рапсодия, я – Танцор! Одиннадцать человек на перевале. Идут, похоже, как и первые, издалека. Ноги по колено в грязи. Грязь засохла, но почистить штаны времени, кажется, не было. Следовательно, постоянно на марше.

– Нормально, Шурик, – отозвался полковник. – Работаем. Бандит! Что у тебя?

– Продолжаю планомерно засыпать.

– Тогда и не высовывайся. Мы здесь сами справимся.

– Рапсодия! – снова раздался голос Кордебалета. – Я, кажется, знаю в лицо парня, который ими командует. Сейчас... Он еще чуть-чуть повернется...

– Ну-ну, – отозвался Согрин.

– Это Абу Обейда. Террорист, садист и палач.

– Дайте его мне! – попросил подполковник Сохно. – Хорошенькая компания получится: с одной стороны террорист, палач и садист, с другой – Бандит...

– Может, «снять» его? – спросил Кордебалет.

⁸ «Чехи» (арм. жаргон) – чеченцы, боевики.

– Подожди, я доложу в РОШ. – Полковник вытащил трубку спутникового телефона. – Но держи его пока на прицеле.

3

Дверь открылась автоматически, хотя фотоэлементов, отвечающих за дверной механизм, полковник Доусон как ни пытался разглядеть, увидеть так и не смог. Генерал Хант встал из-за стола с дежурной приветливой, немного слащавой улыбкой, демонстрирующей дорогие вставные зубы.

– Рад, что ты поторопился, – пожал он полковнику руку и показал на кресло.

– Я всегда тороплюсь выполнить срочный приказ. Он же был срочный? Или я неправильно, вас понял, сэр?

– Он был и есть срочный. И даже весьма...

Полковник сел по другую сторону стола необычайной, ширины. На столе всегда была такая куча бумаг, что вывезти ее можно было бы только многотонным самосвалом. Генерал имел привычку быстро передвигаться вдоль стола в кресле, и даже шума колесиков по жесткому ковру слышно не было. И сейчас, готовясь к разговору с Доусоном, Хант переехал чуть в сторону и без долгих поисков вытащил из кипы бумаг газетную страницу. Как он мог ориентироваться в этом кажущемся беспорядке, полковнику оставалось только догадываться, сам же генерал всегда говорил, что на столе порядок, к которому привык он один, и потому другим он кажется беспорядком. И не любил работать с компьютером, куда можно было бы «убрать» содержимое его стола, хотя компьютер стоял здесь же, на приставном угловом столике с выдвигной подставкой под клавиатуру. Старая школа разведки, которой генерал очень гордился, и недоверие к компьютерам, особенно подключенным к разного уровня сетям.

– Вот, полюбуйтесь...

Газета была русская, на русском языке, которым Доусон владел свободно, хотя и разговаривал с легким прибалтийским акцентом. Полковник сразу понял, что ему предстоит прочитать. Сравнительно небольшой материал был обведен зеленым фломастером:

РУССКИЙ МАТЕМАТИК УКРАЛ У АМЕРИКАНЦЕВ ТЕХНОЛОГИЮ ПРОИЗВОДСТВА САМОЛЁТА-НЕВИДИМКИ

ФБР США подозревает российского математика Алексея Еремина в шпионаже. Еремин работал в корпорации «Локхид Мартин» и имел доступ к центральному компьютеру, где хранились сверхсекретные разработки по военному истребителю-бомбардировщику «F-117».

Именно этот американский истребитель спроектирован по технологии «Стелс», позволяющей ему преодолевать систему ПВО противника незамеченным. В американских ВВС этот самолет называют «летучая мышь», а в России – «самолет-невидимка».

Агенты ФБР утверждают, что 46-летний Еремин имел связи с КГБ, ФСБ и российской военной разведкой. Якобы он похитил компьютерную программу проектирования самолетов «Стелс». Кроме того, он получал на руки секретную информацию, которая могла также оказаться потом в Москве.

Американские военные эксперты говорят, что утечка сверхсекретной информации может повлечь за собой серьезные неприятности для США. Это может означать не просто потерю монополии на технологию «Стелс», в результате чего радары противника смогут спокойно распознавать

«F-117», а ПВО – поражать их. Самое опасное – это экспорт секретных технологий в страны, которые Вашингтон рассматривает в качестве своих потенциальных врагов.

Один из бывших служащих компании «Локхид Мартин», согласившийся дать интервью на условиях анонимности, сообщил, что долгое время работал вместе с Алексеем Ереминым. И якобы Еремин пользовался его доверием, но в то же время собирал информацию, с которой тот работал. «Я не могу утверждать на сто процентов, но я почти уверен, что он – шпион», – сказал 38-летний компьютерный эксперт по поводу своего бывшего коллеги Еремина.

По имеющимся данным, федеральные агенты изъяли у бывшего сослуживца Еремина домашний компьютер. В то же время никаких арестов пока не произведено и публично в шпионаже никто не обвинен.

Полковник, прочитал, газетную страничку, положил ее на стол и вопросительно посмотрел на генерала. Но тот сам ждал вопросов.

– Судя по бумаге, газета довольно старая, – сделал вывод Доусон.

– Да, это информация двухтысячного года.

– Значит, уже после девяносто девятого.

– Ты имеешь в виду Сербию?

– Да, тот сбитый «Стелс».⁹ Его же сбили российской ракетой?

– Русской, а не российской. Еще советской. Старенькой. И локаторы были старенькие.

Но дата публикации не может считаться показателем.

– Почему?

– Потому что Еремин работал в лаборатории раньше, и раньше имел доступ к документам компании. Но дело даже не в Еремине. Проверка показала, что он не был шпионом. Более того, думается, версия о том, что Еремин – русский шпион, была подсунута нам из Москвы.

– С какой целью?

– Талантливый математик... Покинул свою страну... Надо же ему за это устроить какие-то неприятности в Америке. Вот и устроили в надежде, что вернется... Методы, как ты знаешь, старые, и мы сами подобными никогда не брезгуем. Об интеллектуальной собственности государства нам с тобой, Майкл, следует заботиться не в последнюю очередь.

Доусон не обратил внимания на сентенцию.

– Он вернулся?

– Даже не интересовался вопросами возвращения. ФБР убедилось в его непричастности к российским спецслужбам, и этого достаточно. Но вот теперь всплывают интересные данные, которые напрямую относятся к твоему новому заданию...

Генерал сменил тон на более жесткий, хотя еще и не приказной, но полковник сел в кресле прямее.

– Сейчас в ФБР, после нашего сообщения, анализируют ситуацию. Жду от них подробного доклада...

– Какого «нашего сообщения», сэр?

– Сообщения, что в России создали некую модель «Стелс»... По чертежам, разумеется, похищенным у нас, в компании «Локхид Мартин». Кем-то, но, очевидно, не подозреваемым Алексеем Ереминым. Значит, там был кто-то другой, кого русские прикрывали, ставя Еремина

⁹ В 1999 году в небе над Белградом югославской ПВО, которой командовал полковник Дани Золтан, российским комплексом ПВО С-125 был сбит считающийся неуязвимым самолет-невидимка «Стелс». Этот факт вызвал шок у американских военных специалистов, и уйму обсуждений в конгрессе о целесообразности строительства такого военно-воздушного флота – ведь стоимость одного самолета-невидимки была около двух миллиардов долларов. В настоящее время отставной полковник Дани Золтан широко делится опытом, подсказывая журналистам и специалистам, как лучше бороться с подобными самолетами. Появлялись сообщения, что он проводил специальный курс лекций в частях иранских ПВО.

под подозрение. Думаю, этот человек, по нынешним ценам, заработал не один десяток миллионов, имея под рукой необходимую кому-то информацию. То есть мы даже знаем, кому необходимую...

– Значит, скоро следует ждать появления российского «Стелс»?

– Нет, не стоит... У них собственный проект, за которым мы охотимся, и ты тоже будешь охотиться. И еще один, гораздо более перспективный. За которым мы, в свою очередь, опять охотимся. Может быть, и еще что-то есть...

– Тогда зачем они сделали экземпляр «Стелс»? Не слишком ли дорогая игрушка при их-то финансировании? Мне трудно понять такое...

– Тут и понимать нечего. Они на своем «Стелс» оттачивают в работе собственные радары, чтобы они улавливали наши самолеты. Здесь есть такая тонкость... «Стелс» доступны для радаров, работающих в метровом диапазоне. Это, грубо говоря, станции дальнего оповещения. Так, кажется, их зовут русские. С расстояния в тысячу километров «Стелс» обнаружить легко. Но когда он находится над целью, где радиоконтроль уже ведется на сантиметровом диапазоне, «Стелс» невидим. Русские делают радары, способные уловить «невидимку» в непосредственной близости от цели. А потом эти радары всплывут где-нибудь в Иране или в Сирии, как произошло с системой ПВО «Искандер».

– Честно говоря, сэр, я в недоумении, – с легким укором пожал плечами Доусон. – Я слишком далек от этих вопросов, и для изучения их мне требуется время. Здесь же нужен, скорее всего, грамотный специалист... И не понимаю, зачем понадобилось снимать меня с почти подготовленной операции и бросать на новую, если я в новой буду выглядеть беспомощным человеком. Эта операция не вписывается в мой привычный метод работы.

Хант звучно вздохнул, после чего еще раз неестественно улыбнулся, ярко блеснув зубами.

– В том-то и дело, что нам нужен именно ты. Кроме тебя, здесь никто не в состоянии сработать с необходимой нам эффективностью. Помнишь своего бывшего подопечного Абу Обейда? Парня из Йемена, ты его курировал в разведшколе...

– Да-да, припоминаю... – Полковник Доусон недовольно наморщил нос. – Проходил такой у меня стажировку... Толковый, но очень горячий был, до глупости горячий... В теории и в подготовке с большими способностями. А в деле срывался... Лет двадцать, кажется, прошло. Сейчас, надо думать, повзрослел и заматерел, раз до сих пор жив. Как он в этом деле замешан?

Генерал Хант положил на стол сжатые в кулаки руки, словно подчеркивая этим важность того, что он скажет:

– Абу Обейда сейчас воюет в Чечне.

Он ожидал реакции полковника на уже прозвучавшее предложение поехать в Чечню, но Доусон внешне никак не показал своего отношения к подобной командировке. Все-таки выдержка разведчика у него имелась.

– Понимаю. Таким, как он, нечего делать там, где не воюют. Иного я, признаться, от Обейды и не ожидал. Диверсионная работа – да. Разведывательная – нет. Но, прошу прощения, господин генерал, я отвлекся от темы. Обейду я помню и, наверное, сумею наладить с ним контакт лучше, чем кто-либо другой.

– Он тебя, надо думать, помнит тоже. По нашим данным, он неоднократно хвастался, что прошел именно твою школу... Нам такое хвастовство не нравилось, сам понимаешь, но теперь это может сгодиться. Обейда выставил неперемное условие – твое присутствие. Вот тебе и придется с ним работать.

Доусон кивнул:

– Я же говорю – я понял...

– Конечно, Обейду характеризуют как хорошего диверсанта. – Голос генерала заметно смягчился. – Но там, на месте, нужен помимо хорошего диверсанта еще и хороший разведчик. Дело в том, что Обейда на нас не работает. Но согласился помочь за миллион долларов и разовую поставку дефицитного вооружения...

– Что за вооружение?

– Пять «Стингеров».

Полковник от возмущения себя даже по колену хлопнул:

– Хорошенькое дельце! А договор о нераспространении?..

– Пусть он остается в силе для тех, кто его подписывал. Мы с тобой не подписывали. Мы представляем собой третью сторону. Это всегда удобно.

– Значит, мне придется ехать в Россию?

– Да, Чечня пока еще является территорией России... Обейду необходимо направлять и контролировать. И дело настолько срочное, что не дает тебе на подготовку времени. Материалы прочитаешь в самолете. Они на обычной дискете. В Тбилиси тебя встретит капитан Дэвид Дэн. Толковый парень. Он в курсе всего, он обладает связями, у него в настоящее время хранится аппаратура, необходимая для проведения действий. Один недостаток – с Абу Обейдой не очень ладит и сумел договориться с ним только от твоего имени. Извини уж за такое, но я дал Дэну санкцию на подобное своеволие. Капитан поступает в полное твое подчинение, и тебе останется только подгонять его, чтобы поторапливался...

– А чем такая срочность вызвана?

– Мы слишком поздно получили сообщение, что русские будут проводить в Чечне испытания. Свой самолет и наш самолет... Сравнение двух технологий... Что и в каком диапазоне определяют локаторы... Если там что-то произойдет, легко списать на район испытаний... Место удобное во всех отношениях. И для нас удобное... Есть возможность подобраться, произвести видеосъемку и попробовать, как их «невидимки» реагируют на «Стингер», когда тот работает в режиме ручного наведения прицела...

Доусон минуту размышлял, потом задал вопрос:

– Господин генерал, была произнесена фраза о русских технологиях... Которые нас, так сказать, интересуют... Это входит в круг моих задач?

– Обязательно. Подробности на дискете... В общих чертах – направление совсем другое. Самолет не строится по страшно дорогой технологии «Стелс». Самолет вообще может быть любым, самым примитивным. Это вообще может быть и не самолет, а бронемашина или даже легковой автомобиль... Но на него ставится компактный плазменный генератор, который обволакивает объект облаком плазмы, и плазма просто гасит все радиосигналы локаторов и радаров.

– И наши специалисты не могут сделать такой генератор?

– Их сделали уже несколько десятков. Но все они не обладают одним достоинством русского генератора. Они гасят все сигналы электроники в самом объекте, то есть уничтожают системы управления самолетом...

– И я должен...

– Ты должен подумать, чем сможешь помочь нашим спецам... Было бы просто прекрасно, если бы самолет потерпел аварию... Или «Стингер» только повредил его, не уничтожив... Но к приборам тогда следует попасть раньше русских поисковиков... Итак... Спешите! Самолет до Тбилиси тебя ждет!..

– Помощников иметь мне не полагается?

– А они тебе нужны?

– Нужен человек, который разбирается в вопросе больше, чем я. Вы же знаете, я не люблю импровизацию. А здесь все построено на импровизации.

– Но никто не справится с Абу Обейдой лучше тебя.

– И тем не менее мне нужен специалист по конкретному вопросу. Тот, кто сможет вовремя и квалифицированно проконсультировать...

Генерал несколько секунд подумал и наконец сказал не слишком довольно:

– Хорошо. Если я сумею найти такового в течение часа, я тебе его дам. Но ему тоже необходимо будет время на сборы... Еще проблемы на мою несчастную лысину! Ладно, попробуем и их устранить. Человек, если такой будет, прибудет сразу к самолету. В Грузии вас встретят. «Коридор» уже подготовлен. А сейчас ступай в канцелярию...

Генерал Хант встал, чтобы прощание выглядело почти торжественным.

Тем не менее оно выглядело привычно будничным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В сравнительно небольшом, тихо вымирающем районном центре Приволжский этого человека лично знали многие, а все остальные по крайней мере узнавали его в лицо. Да и как не узнать, когда местные жители все здесь друг с другом знакомы с детства, поскольку размеры городка не позволяли не замечать незнакомых лиц, а знакомых становилось с каждым годом все меньше и меньше – городские предприятия не работали, и кто имел возможность, бежали подальше от этих мест туда, где можно было бы заработать себе на хлеб, может быть, как надеялись, и на хлеб с маслом. Большой частью отправлялись в Москву, где удовлетворялись половинной оплатой против оплаты москвичей, но и этому были рады. А лицо для города непривычное сразу становится заметным, тем более если дело касалось китайца...

Все знали, что старый китаец Шин не такой уж по возрасту и старый, но немножко не в своем уме, а внешний вид его – это только последствия болезни. В том, что он болен, никто не сомневался. Не так болен, чтобы быть неспособным жить самостоятельно, а лишь слегка, словно он никогда не знал, что такое жизненная сметка, заставляющая человека приспособиваться к условиям. Шин не приспособивался никогда. Он просто молча терпел неудобства и лишения, тогда как другие умели этих неудобств и лишений избегать. И никогда не отказывал, даже если ему что-то велели сделать посторонние. Одним словом, приволжане видели в нем классического идиота, доброго и честного. Появился Шин в Приволжском пятнадцать с небольшим лет назад, еще при советской власти, доживающей свои последние дни. В райцентре за высоким забором располагалась областная психиатрическая лечебница, в ней китаец сначала лечился, а потом, когда врачи оставили его наконец-то в покое, стал работать дворником. Подметал не только территорию самой лечебницы, но и близлежащую улицу. Улица рядом с лечебницей была только одна, потому что три другие стены обширной площади выходили в поле и в лес. И эта единственная улица благодаря стараниям Шина была всегда идеально чистой.

Шин метлой работал аккуратно, без размаха, почти не поднимая пыли. И даже позволял себе заниматься дворничьим ремеслом в белом медицинском халате, выделенном ему сердобольным завхозом лечебницы – не обязательно же все списанные халаты употреблять на тряпки. Старый халат этот китаец сам почти ежедневно тщательно стирал и зашивал по надобности, и носил уже много лет, зимой надевая на телогрейку, летом – на голое тело. Но без халата его уже никто представить не мог, за что жители ближайших домов дали дворнику прозвище, вполне соответствующее его внешнему виду – Доктор Шин. Прозвище укоренилось, и так китайца стали звать и другие приволжане, и даже медицинский персонал психиатрической клиники, хотя своих врачей они звали не докторами, а по имени-отчеству. Но и сам китаец теперь, привыкнув, когда его спрашивали об имени, охотно представлялся:

– Доктор Шин...

Только слово «доктор» он произносил странно, глотая последнюю букву, хотя в других словах «рэ» всегда старался выговаривать четко. По-русски Доктор Шин вообще разговаривал плохо. Когда его спрашивали, отвечал односложно. Сам же старался никогда и ничего не спрашивать. Только однажды, когда перед воротами психиатрической больницы дрались собаки, Шин вдруг выдал в присутствии охранников длинную-предлинную фразу, которую, естественно, никто не понял. И при этом он возбужденно тыкал пальцем в сторону собак. Но китайским языком в Приволжском никто, к сожалению, не владел.

– Что бормочешь? – поинтересовался старший охранник, в меру тупой громила.

Доктор Шин опять ответил по-китайски.

– Говорят в Китае собак едят... – Охраннику показалось, что он понял смысл сказанного. – Предлагает нам попробовать... Желающие есть?

Охранники засмеялись, а старший охранник взял у Шина метлу, и разогнал собак. Старый китаец долго еще смотрел вслед убегающим животным.

– Слюни глотает, – засмеялся старший охранник.

О том, что Шин разговаривал на своем языке, кто-то сказал кому-то, и молва дошла до главного врача. Что случилось, и что страшного в этом, никто не понял. Но Шина опять положили в отделение, и даже не в общую палату, а отвели ему отдельную комнатку, в которой обычно хранили всякие хозяйственные мелочи. Комнатка была с окном без решетки. Но ведь старый китаец только недавно разгуливал по всему городу, и ни у кого не возникло мысли, что он попытается сбежать. Он, конечно, и не сбежал. Дурак-то дурак, а прыгать с третьего этажа не захотел. Да и болезненных уколов, как другим больным за плохое поведение, ему не делали, он хорошо себя вел. В чем заключалось лечение, знали только главный врач и его ассистент. Они закрывались с Шином в комнате со звукоизоляцией и «колдовали» там по несколько часов в день. Такой странный процесс заинтересовал даже заведующую отделением, которая очень мечтала вскоре стать главным врачом. Она попыталась найти историю болезни Доктора Шина, но в регистратуре ей сказали, что история болезни пациента хранится в личном сейфе главного врача, как и вся спецкартотека. Что такое спецкартотека, заведующая отделением знала лишь понаслышке, но за много лет своей работы в лечебнице несколько раз видела, как привозили больных, чьи истории болезни уходили в спецкартотеку. Одно то, что их привозили не санитары, а военные или милиционеры, уже отбило у заведующей отделением желание интересоваться подобными пациентами.

Через десять дней Доктора Шина «выписали»... То есть разрешили ему жить снова в комнатке при котельной и опять подметать двор и улицу.

* * *

Новая жизнь к Доктору Шину пришла внезапно в образе остановившегося неподалеку большого и красивого внедорожника «Инфинити». Доктор в это время старательно, не поднимая пыль, мел улицу. Из машины вышел соответствующий ей большой и пузатый человек, выглядевший очень внушительно, обошел спереди высокий капот и склонился над колесом. Громкая ругань раздалась по адресу проколовшего шину гвоздя. Человек осмотрелся, словно подыскивая себе помощника, но никого, кроме маленького и худенького дворника, не заметил. Вид дворника и белый его халат, только накануне тщательно выстиранный, впечатления на большого толстого человека не произвели, но он, критически осмотрев свою чистую одежду, на всякий случай все же окликнул:

– Эй, Доктор Шин! Поди-ка сюда!

Доктор Шин послушно приставил метлу к забору и подошел к машине, глядя на нее с нескрываемым восхищением. Проколотое колесо увидел сразу и с огорчением зацокал языком. Это дало возможность большому толстому человеку подумать, что с колесами дворник дело когда-то имел.

– Ты как, колесо сменить можешь?

Доктор Шин глянул на солидный живот, в котором сам поместился бы полностью, и ответил:

– Могу.

– Тогда – смени. Я заплачу.

Доктор Шин сразу открыл дверцу багажника и выбрал нужный ключ. Это большого человека совсем успокоило. А когда на свет был извлечен и домкрат, и правильно выставлен, стало понятно, что старый китаец не всю свою жизнь одной лишь метлой махал. Худые руки оказались жилистыми и легко справлялись с работой. Большой толстый человек с удивлением смотрел за тем, как маленький китаец легко снимает проколотое двадцатидюймовое колесо и ставит вместо него запасное. И все это быстро, ловко. И даже манометр китаец нашел, чтобы смерить давление в шине. А потом, не спрашивая согласия, вытащил из багажника компрессор, присоединил его к прикуривателю автомобиля, двигатель включил без проблемы, благо, ключ оставался в замке зажигания, и подкачал запаску.

– Все. – Доктор Шин вытер руки о тряпку, вытащенную из кармана.

– Спасибо, братан. Сколько я тебе должен?

Шин думал долго, тихонько мыча себе под нос:

– Дай поехать... Чуть-чуть... Мало-мало...

Большой толстый человек в недоумении пожал плечами.

– А у тебя права-то есть? – с усмешкой спросил он, зная заранее ответ.

– Не знаю.

– Зато я знаю. Не бывает у таких, как ты, прав... А ездить-то хоть умеешь?

– Не знаю.

Большой толстый человек утробно хохотнул, оглядел пустынную окраинную улицу и решил, пошел к правой дверце, предоставив Доктору Шину место за рулем.

Китаец очень обрадовался. Большой толстый человек, говоря по правде, думал, что старый китаец, даже если когда-то и ездил за рулем, то никогда раньше не пользовался коробкой-автоматом. И сейчас будет искать сцепление. А потом с удивлением поймет, что эта машина не для него. Но Доктор Шин не сомневался ни минуты, завел двигатель, отжал до упора тормоз, перевел селектор в положение «D», и плавно тронулся с места, легко набирая скорость. В конце улицы дорога изобиловала выбоинами в асфальте. Внедорожник мог бы миновать их без проблем благодаря только высокому клиренсу. Но китаец проехал осторожно и мягко, потом умело развернулся на узкой дороге, даже не заехав на бордюр, и двинулся в обратном направлении. Около того места, где оставил метлу, остановился.

– Доктор Шин сменил шин в машин, – сказал он, улыбаясь.

Большой толстый человек задумался и почесал подбородок.

– Поэт ты у нас, значит... А что, в этом есть смысл, поэт... Я как раз собираюсь мастерскую по шиномонтажу открыть. Вот бы так и назвать – «Доктор Шин»... Как только тебя туда заполнить? Реклама – лучше не придумаешь...

Китаец улыбнулся, хотя, скорее всего, не понял, о чем идет речь.

– Ты живешь-то где?

– В больница.

– Больной, значит?

– Нет. Шин здоровый. Шин выздоровел. Шин не помнит, кто он... Некуда идти... И живет в больница... Его хотят в дом стариков, а Шин не хочет... Шин работать хочет...

– Я бы тебя взял на работу. Пойдем-ка к твоему начальству.

Они вышли из машины. Шин своей тряпкой провел по крылу, стирая густой слой пыли, и глянул в полированную поверхность, как в зеркало. А рядом, там, где пыль была не стерта, зачем-то нарисовал пальцем положенную набок восьмерку.

– Что это? – не понял большой толстый человек.

– Бесконечность... Знак – бесконечность...

Большой толстый человек вспомнил, что еще в школе знал, что так обозначается бесконечность. Знал, но давно забыл как ненужное.

– И что? Что такое – бесконечность?

– Машина... «Инфинити» – бесконечность... Переводится так... Бесконечность...

Большой толстый человек пожал плечами. Он никогда не задумывался над тем, как переводится название его шикарной машины.

Они пошли в лечебницу, и, к удивлению Доктора Шина, охранники на проходной уважительно, за руку поздоровались с большим толстым человеком, назвали его по имени-отчеству Виктором Викторовичем и не помешали ему пройти к главному врачу.

* * *

Так вот у Доктора Шина началась новая жизнь, которая нравилась ему куда как больше однообразной и скучной прежней. Большой толстый человек Виктор Викторович, которому он сменил колесо на улице, оказался в Приволжском человеком влиятельным, бывшим начальником районной милиции, вышедшим на пенсию в возрасте еще совсем не пенсионном, как это часто с милиционерами бывает, и занявшимся автомобильным бизнесом. В самом Приволжском автомобильного бизнеса, естественно, быть не может – контингент жителей не тот, но машины у людей еще с былых времен остались, и ремонтировать их тоже надо. Причем гораздо чаще надо ремонтировать, чем машины новые. В соседнем – за Волгой – большом городе, бывший начальник милиции открыл, конечно, настоящий автосалон. А в районных центрах по всей округе – авторемонтные мастерские. И в Приволжском открыл мастерскую по шиномонтажу, как и хотел, и назвал предприятие вполне серьезно именем своего нового наемного работника – «Доктор Шин».

Такое название приволжанам нравилось. И несравненно вырос авторитет маленького китайца, шагнувшего из дворников сразу в руководителя малого предприятия.

2

Спутник спутником, но, даже используя телефонную трубку спутниковой связи, необходимо подумать о том, что у тебя над головой, когда и вокруг тебя тоже не широкое чистое поле, а лесистые горы, создающие множественные помехи. Полковнику Согрину пришлось высунуться, чтобы попытаться позвонить... Однако набрать номер он так и не успел. Трубка спутникового телефона в его руке сама завибрировала, назойливо и беззвучно. Согрин глянул на определитель номера. Звонил его прямой начальник полковник Мочиллов.

– Слушаю тебя, Юрий Петрович, – нажав кнопку приема, сказал тихо Согрин, хотя боевики были так далеко, что услышать его разговор никак не могли, да и ветер дул устойчиво с их стороны, относя все звуки к пустынной лесистой горе.

– Игорь Алексеевич, приветствую. Как у тебя дела? Говорить можешь?

Мочиллов отлично понимал, что телефонный разговор во время операции может оказаться невозможным, и потому слова произносил быстро. Но сам Согрин отвечал неторопливо, хотя и по-прежнему тихо, просто по привычке соблюдая необходимую осторожность.

– Говорить почти могу... Дела прекрасные. Дышу свежим воздухом, которого у вас в Москве днем с огнем не сыскать. Сижу от нечего делать в засаде. Прямо перед собой наблюдаю троицу боевиков, разминирующих схрон, о котором ты знаешь. Со знанием дела, скажу тебе, работают. Хорошую школу прошли... К ним, кстати, направляется вторая группа из одиннадцати человек во главе с известным тебе Абу Обеидой. Этого последнего типа Кордебалет в оптический прицел опознал. Их я пока не вижу, но вскоре надеюсь лицезреть. Кордебалет спрашивает меня, не снять ли ему этого Абу вместе с Обеидой с пьедестала. Я как раз собрался спросить совета у кого-нибудь в РОШе, а тут ты звонишь...

– Нет-нет... Обеиду в обиду не дам... Не трогайте... Ни в коем случае... Что касается московского воздуха, то я оттуда сбежал, – ответил полковник Мочиллов. – И не один. С тобой

сейчас будет говорить генерал-лейтенант Спиридонов. Мы в Грозном, сидим на базе, сейчас поедem в РОШ. Запомни, Обейду не трогать. Он – ключевая фигура и многое еще должен сделать на благо России... Более того, ты даже должен оберегать его от случайностей, иначе может вся операция сорваться. Ладно, поговори-ка с товарищем генералом...

Согрин за всю свою долгую военную жизнь служил только в частях военной разведки, и во всех тонкостях дел, касающихся разведки, ориентировался прекрасно. И потому сразу понял, что если в операцию включился начальник агентурного управления ГРУ, то она приобретает гораздо больший размах, чем казалось раньше. По крайней мере, спрос теперь будет с участников несравненно более высокий и ошибки не простятся никому из участников, потому что ошибка здесь, на месте, может аукнуться непредсказуемыми последствиями в противоположном конце земного шара. Такое уже случалось. Но участие генерал-лейтенанта в руководстве операцией вполне оправдывает надежды на получение геройских звезд в случае удачного исхода дела. Хотя полковник прекрасно знал, как далеко от обещаний до их исполнения. Тем более такого обещания...

– Игорь Алексеевич, здравствуй.

– Здравия желаю, товарищ генерал! Слушаю вас.

– Мы у РОШа дело уже забрали полностью. Ведem его сами вместе с некоторыми смежниками, которых вашей группе еще предстоит увидеть. Если что, имей в виду, приказы ты получаешь от меня, от полковника Мочилова и генерала Воронова из ФСБ, он тоже здесь замешан. Если другие приказы будут входить в противоречие с нашими, сразу информируй нас, мы примем меры. Пока продолжай только наблюдение, докладывай о любых изменениях. Далеко не отступай, в контакт тоже не входи. Но контролировать их ты должен круглосуточно. Если втроем не справитесь, мы подошлем еще группу.

– Справимся, товарищ генерал. Больше людей – больше вероятность оказаться обнаруженным. Нам это ни к чему.

– Хорошо. Но если что потребуется, сразу сообщай. Лучше перестраховаться, чем завалить дело. Слушай дальше... Вот-вот, не сегодня, так завтра, к банде должны будут присоединиться еще несколько человек, американцы. Как только они появятся, сразу сообщи. Но опять – не предпринимай никаких активных действий, что бы ни происходило. Оберегай до поры до времени Абу Обейду, а еще больше охраняй американцев, что бы они ни творили. Этих ты должен отпустить здоровыми и богатыми домой. Понял?

– Так точно, товарищ генерал.

– В горах будут проводиться испытания самолетов и локаторов. Локаторы, как сам понимаешь, на земле. Там есть оцепление. Сильная охрана. Американцев интересуют испытания. Вероятно, будут что-то снимать, что-то замерять... Позволь им это сделать.

– Понял, товарищ генерал.

– Вопросы?

– При варианте случайной встречи мы должны...

Генерал даже кашлянул из-за непонятливости полковника:

– Отступить. Даже – бежать. Но – не далеко. Наблюдение продолжать. Не мне тебя учить, как это делается.

– Понял, товарищ генерал.

– У меня все. До связи.

– До связи, товарищ генерал.

В трубке раздалась короткая гудка, и Согрин убрал ее в чехол на поясе.

– Рапсодия! Что там нам обещают? – поинтересовался Кордебалет.

– Просят отобрать у тебя все патроны, чтобы дел не натворил. Только дистанционное наблюдение! Никаких активных действий! И оберегай Обейду, как оберегал бы меня, он нашим очень нужен в живом и рабочем виде... Потом Обейда встретится с американцами, и

мы выступим в защиту дружбы с Америкой. Американцев охранять до самой границы, и отпустить домой здоровыми и без соплей.

– Опять мне не дали поговорить с садистом и палачом, – ворчливо посетовал в эфире подполковник Сохно. – Все надежды на справедливое возмездие рушат...

– Рапсодия! Бандит! Внимание! – Голос Кордебалета зазвучал громче и напряженнее, интонацией сообщая, что ситуация с места сдвинулась и требует концентрации внимания. – Пять человек во главе с садистом идут к схрону, шесть выходят в оцепление тройками по обе стороны тропы. Похоже, желают сделать широкую рекогносцировку. Как бы на вас не вышли... Командир, на тебя точно могут выйти... В твоём направлении двинули...

Согрин даже осмотрелся, словно еще раз проверяя то, что и без того хорошо знал:

– Я хорошо спрятался. Пусть ищут.

Полковник в самом деле спрятался очень хорошо, как умеют прятаться спецназовцы ГРУ.¹⁰ Покрытая искусственным мхом маскировочная сетка с одной стороны прикрывала упавший ствол дерева, под которым он вырыл себе наблюдательный пункт, и кучу нарытой земли из-под ствола. Ни одной крупинцы почвы, что смогла бы привлечь внимание опытного поисковика, не осталось в стороне, среди молодой зеленой травы. С другой стороны ствола кусты укрывали полковника настолько хорошо, что никто не подумал бы, что здесь находится человек.

Что касается подполковника Сохно, то он находился дальше схрона и, естественно, тоже замаскировал свой наблюдательный пункт с обычной своей изобретательностью. Сохно всегда считался в маскировке лучшим специалистом.

– Бандит, ты-то спрятался?

– Обязательно. И даже знамя над укрытием выставил. – Сохно не мог обходиться без обычных своих шуточек.

– Ждем. Пусть идут. Я разрешаю, – удовлетворенно ответил Согрин.

Ожидание затянулось надолго. Пять боевиков, передвигаясь так, словно готовы были при малейшей угрозе отпрыгнуть назад и убежать, уже подошли к схрону на дистанцию визуального наблюдения. Но держались все еще достаточно далеко, и двух троек, вышедших в охранение, видно пока еще не было. А реальную опасность для спецназовцев и для исхода операции в целом, могли представлять только они.

– Танцор! Я – Рапсодия. Видишь их?

– Уже нет. Но больше им пойти некуда. Должно быть, излишне внимательны. Смотрят хорошо, в шесть глаз.

– О-о-ох, ситуация... Как всякий нормальный Бандит, я обязан ментов недостаточно любить. Это ж они нам напыхали, – прокомментировал положение Сохно. – Если бы они не взорвались, нас бы сейчас не искали...

– Если б они не взорвались, схрон бы не нашли и мы бы сейчас здесь не сидели, – отпарировал полковник. – Моя тройка идет... Смотрят и правда тщательно. Но смотрят, к счастью, не туда...

Трое боевиков вышли из леса. Лица внимательны, взгляды бегают по сторонам, все ощупывая, отыскивая возможную опасность. Но основное внимание уделено склону, который под ними, и схрону, который в самом низу, под склоном, в черном урочище, куда не проникает солнце. В принципе боевики правы. Они ожидают засаду, поскольку знают, что трое ментов подорвались здесь на mine. Но засада может быть только в том случае, если схрон обнаружен – а так: мало ли в лесу заминированных издавна троп! Но даже если засады нет и в помине, бое-

¹⁰ Действительный факт, ставший почти легендарным: благодаря специальной системе подготовки, спецназ ГРУ умеет маскироваться так, что бойцов бывает порой не видно даже вблизи. На одних из учений произошел случай, когда спецназ ГРУ выступал в качестве условного противника против войск ФСБ. Офицер ФСБ стоял на груди замаскировавшегося спецназовца и не видел его, а тот терпеливо переносил немалый вес условного противника.

вики просто обязаны ее ожидать и трижды проверить склоны. Иначе не проживешь долго. По крайней мере, так долго, как сам хочешь... И они прекрасно понимают, поскольку сами большие специалисты засады устраивать, понимают что любая засада должна располагаться там, откуда можно вести эффективный огонь на уничтожение противника. Выше по склону федералам забираться было бы незачем. Оттуда нижнее урочище совсем не видно, а уж стрелять на поражение, когда ничего не видишь, – детское занятие... Расчет прост. Выбрана дистанция для наиболее удобной стрельбы в сторону схрона, к ней добавлена дистанция, с которой удобно стрелять сверху по засаде, и по этой верхней линии проложили свой путь трое из охранения.

– Я – Бандит. Вижу вторую троицу. Боевики на противоположном склоне корячатся. Из леса выползают.

Противоположный склон для засады пригоден плохо, как, впрочем, и для элементарного наблюдения. Он слишком крут, слишком открыт и слишком каменист. Но проверка касается всех сторон. И потому проверяют даже самую неудобную позицию. Известно, что на войне самая неудобная позиция вполне может быть выбрана противником именно потому, что оттуда меньше всего ждут удара. Абу Обейда в этом отношении проявил предусмотрительность, и послал группу не зря. Уже один такой маленький факт говорит о том, что командир он опытный и с прекрасной подготовкой.

Тройка боевиков прошла от Согрина в пяти шагах, и ему хорошо было видно их через маскировочную сетку. И шли так скученно, что при необходимости полковник сумел бы сразу снять двоих, а то и сразу всех троих одной автоматной очередью, вдвое удлиненной против стандартной и направленной слева направо.¹¹ Чтобы получить удовольствие хотя бы от этого предполагаемого ощущения, Игорь Алексеевич положил руку на автомат и погладил рукой его вороненый ствол, словно собаку успокаивал.

Боевики тихо разговаривали между собой. Чеченский язык полковник почти не знал, но легко разобрал, что говорят не по-чеченски. Эта речь была с какой-то напевностью, менее гортанная, хотя фразы короткие и больше напоминают секундные доклады. Должно быть, каждый говорил о том, что видит в своем секторе, но ни один не видел, что делается у него за спиной. Впрочем, даже если бы все три боевика одновременно обернулись, они не смогли бы даже с такой короткой дистанции увидеть полковника-наблюдателя, потому что сетка и мох были изготовлены так хорошо, что определить, что мох искусственный, можно было бы только на ощупь.

Старший тройки остановился, вытащил из-за пазухи бинокль. Подкрутил окуляры, стал рассматривать склон под ногами в бинокль. Опять что-то сказал своим. Другой боевик вытащил из нагрудного кармана «камуфляжки» переговорное устройство. Стал докладывать.

Согрину хорошо была видна и нижняя группа из пяти боевиков, и боевики-минеры. И он тоже поднял бинокль, чтобы посмотреть, кто с боевиком из верхней тройки разговаривает. И убедился, что Кордебалет не ошибся.

Это был в самом деле Абу Обейда.

3

Началась новая жизнь...

Правда, сначала раз в месяц, а позже раз в три месяца Доктор Шин аккуратно ходил в психиатрическую лечебницу для профилактической беседы с главным врачом и его ассистен-

¹¹ Стандартной считается очередь в три патрона. При автоматической стрельбе отстрелянные гильзы вылетают вместе с пороховыми газами в правую сторону, и автомат сдвигается справа налево, сбивая прицел. Когда очередь направляется умышленно слева направо, стрелок контролирует местонахождение ствола и тем самым компенсирует произвольный увод его в сторону.

том. Беседы, как и раньше, проходили в кабинете со звукоизоляцией. Врачи клиники знали, что ассистент главного врача считался очень сильным гипнотизером. Медики, судя по тому, что китайцы разрешали жить вне клиники, оставались довольны поведением пациента.

Доктор Шин даже разговаривать по-русски стал значительно лучше, потому что общаться ему приходилось теперь с разными и многими людьми и при этом беседовать на темы, которые совсем не касались его многолетней и успешной дворницкой карьеры. А уж автомобильный специфический язык терминов и даже жаргон Доктор Шин знал теперь в совершенстве и владел ими гораздо лучше, чем бытовой речью. Объяснить клиенту, что в его машине необходимо прочистить инжектор и что это даст, было для китайца легче, чем втолковать продавщице на базаре, что ему нужен не мешок картошки, а всего-то два килограмма.

Более того, жизнь развивалась, и вместе с нею развивался Доктор Шин. Большой толстый человек Виктор Викторович решил расширить производственную базу в Приволжском, поскольку рядом с районным центром располагалось множество вымирающих деревень, где за бесценок скупали дома под дачи желающие спокойно отдохнуть москвичи, и в летний период в «шиномонтаж» обращались многие из них с просьбами устранить неполадки в своих автомобилях. Оказалось, что Доктор Шин в двигателе и в ходовой части разбирался еще лучше, чем в шиномонтаже, а отказывать он не умел никому, за что его и звали радостно идиотом. Он мог целую ночь проколдовать над чьей-то старенькой машиной, чтобы к утру, как того желал хозяин, она уже была «как новенькая». Так мастерская по шиномонтажу сама собой переросла в автосервис с широким видом обслуживания, но названия своего не изменила. Виктору Викторовичу осталось только статус предприятия поменять, что он с удовольствием и сделал. Работа по ремонту автомобилей даже в летний период, потому что зимой дачников не было, окупала содержание мастерской, ибо там, сам получая ничтожные копейки, трудился такой ценный и умелый кадр, как Доктор Шин. О толковом механике шли слухи, и к китайцу уже приезжали для консультаций и ремонта из других городов области.

И в то же приблизительно время Доктору Шину представилась возможность познакомиться с компьютером. Большой толстый человек Виктор Викторович, сам не большой знаток компьютера, но имеющий некоторые навыки владения им, лично учил старого китайца справляться со сложной и умной электроникой. И убедился, что Доктор Шин никогда раньше подобной техники не видевший, все схватывал на лету и уже через несколько дней знал о компьютере гораздо больше своего учителя. А уж программу компьютерной диагностики автомобиля он усвоил в совершенстве буквально за несколько часов, причем сам понял, что и как должно здесь действовать. В маленькой голове китайца прятался большой ум.

Чтобы полностью отвоевать Доктора Шина у больницы, Виктор Викторович купил за бесценок старенький частный дом, каких в Приволжском, в связи с массовым бегством населения в город, продавалось множество, и поселил китайца там. И даже дрова на зиму ему привозил, потому что знал неприспособленность Доктора Шина к жизни и боялся, что тому за большие деньги привезут одну сырую осину. Местные мужички горазды такие пакости делать людям несведущим.

Так все и шло...

Приехав однажды в мастерскую, Виктор Викторович удивился, не застав Доктора Шина на месте. Раньше такого не случалось, кроме, естественно, тех дней, когда у китайца был выходной, или во время его обязательных посещений лечебницы. Другие работники сообщили, что старик уехал с попутной только что отремонтированной машиной в соседний город, купить какие-то программы для компьютера. Это сообщение Виктора Викторовича сильно заинтересовало, и он, несмотря на то что очень спешил, решил дожидаться возвращения своего механика. Дожидаясь, сел в кресло, где обычно отдыхали клиенты, поставившие машину «на яму», взял со столика первый попавшийся журнал и стал листать, не глядя в страницы.

Имея такую основательную машину, как «Инфинити», Виктор Викторович время от времени посещал солидные столичные автоцентры, где проводил текущее техобслуживание своего автомобиля. Там журналы и рекламные проспекты на журнальных столиках были обычным предметом интерьера. Здесь же, в собственном автосервисе, сам он такого не вводил, считая это излишней роскошью, тем не менее журналы появились. И это удивило не слишком приятно, потому что Виктор Викторович был от природы человеком ревнивым и не любил, чтобы какое-то дело, к которому он имел отношение, продвигалось без его ведома и согласия. Особенно если это его личное дело, то есть бизнес, которого он владелец. С одной стороны, радовала инициатива Доктора Шина. Ведь именно такая инициатива и приносит прибыль. Радовал и внешний вид мастерской, в которую он сейчас почти не вкладывал средств, а она каким-то образом выглядела даже лучше, таких же мастерских в других райцентрах и городах, где своего Доктора Шина не было. Здесь в первую очередь бросались в глаза чистота и порядок. Да и как здесь не быть порядку, если Доктор Шин так и не расстался со своей привычкой работать в белом халате. Ну, может быть, сменил на более новый, но по-прежнему этот пресловутый белый халат был на нем идеально чистым, хотя возиться с чистыми машинами в наполовину сельской местности приходится редко. Более того, Доктор Шин уже просил Виктора Викторовича раскошелиться на оборудование для автомойки, и даже сам нашел какую-то рекламу, где предлагали подходящее по цене оборудование. И хозяин уже почти согласился, подсчитав без труда, что дело это выгодное. Естественно, выгодное в том случае, если Доктор Шин не будет принимать в ремонт транспортное средство до того, как оно пройдет через моечный бокс. Это все хорошо... Но порой раздражает, потому что инициатива не от самого хозяина исходит.

Взгляд Виктора Викторовича наконец-то остановился на журнале. И это вызвало новый приступ удивления и непонимания. Журнал явно предназначался не для скучающих клиентов. Это было какое-то научное издание со сложными чертежами, и Виктор Викторович, считающий себя знатоком и ценителем машин, вернее, сначала ценителем, а потом уже знатоком, не сразу даже понял, что этот журнал по автомобильной механике. Но самое неожиданное обнаружилось тогда, когда большой толстый человек вытащил из барсетки очки и попытался прочитать мелкий текст, поскольку крупные заголовки были набраны не русским шрифтом. Текст тоже оказался на иностранном языке. Будь здесь китайские иероглифы, это не удивило бы – китаец все-таки... Но это были не иероглифы. Скорее всего, на английском языке, хотя Виктор Викторович не встречался с английским со школы, и прилично все подзабыл. Настолько подзабыл, что не мог отличить написанный по-английски текст от немецкого или французского, или даже польского...

Вскоре приехал Доктор Шин. Вошел улыбаясь. Поздоровался, как здоровался обычно, не протягивая руку, чуть склонив голову и прижав руки к животу, словно полы своего халата придерживал. Китаец и в город ездил в этом халате.

– Что привез? – недовольно спросил Виктор Викторович, не ответив на приветствие.

– Программки... Клиент сама предложил, – Доктор Шин кивнул на компьютер, объясняя, для чего ему эти программки понадобились.

Большой толстый человек не забыл былых милицейских привычек – доверяй, но проверяй, сразу протянул руку и просто взял у Шина коробки с компакт-дисками.

– Игрушки? – посмотрел на коробку и с трудом прочитал по-русски английское название. – А... «Автокад»¹²... Ладно, автомобильные программы нам нужны... Действуй... Кстати... Ты это, – Виктор Викторович взглядом показал на журнал. – Читаешь, что ли?

– Шин картинки смотрит, – вежливо улыбнулся китаец. – Понять хочет...

Такая наивная откровенность вернула Виктору Викторовичу уверенность в себе, хотя он и не осознал еще до конца, что настроение его портилось оттого, что недавний клиент психи-

¹² «Автокад» – программа для инженерного трехмерного проектирования.

атрической лечебницы выглядел лучшим хозяином, чем он, и вообще во многом настоящего хозяина превосходил. Если бы китаец сознался, что читал иностранный научный журнал, Виктор Викторович почувствовал бы себя совсем плохо, а так... Ничего страшного не произошло.

* * *

В следующий раз большой толстый человек Виктор Викторович приехал в мастерскую в день, когда у Доктора Шина был выходной. Надобности в этой поездке не было, но дома еще с вечера жена «заела», и потому наутро показалось необходимым посетить несколько близко одна к другой расположенных мастерских. Приехал и в Приволжский. Потолкался среди слесарей, занятых своим делом, в мойку зашел, шампунь понюхал и поморщился, потом заглянул на диагностический стенд, где только что закончили проверку узлов двигателя чьей-то машины. В помещении диагностического стенда было жарко, и Виктор Викторович открыл окно.

– Какую погоду обещают, слышал кто-нибудь? – поинтересовался он у рабочих.

– В Интернет загляните, – посоветовал из смотровой ямы молодой автослесарь со сложным и красивым татарским именем, которое Виктор Викторович никак запомнить не мог.

– В какой Интернет, – не понял большой толстый человек и вопросительно поднял брови, готовый уже к какому-то очередному сюрпризу.

– Вон, в компьютере...

– Здесь что, Интернет подключен?

– Доктор Шин еще месяц назад подключил...

Сообщение опять показалось обидным. Компьютер подключен к Интернету, а хозяин даже не знает об этом. Что, его мнением никто не интересуется?

«Заглядывать в Интернет» Виктор Викторович не стал. Но за компьютер все же сел и стал просматривать все последние материалы, сохраненные в памяти. В первую очередь его удивило большое количество чертежей и формул. Наверное, они имели отношение к автомобилям – к чему же еще! – но ему почему-то показалось, что это чертежи каких-то странных, чуть не инопланетных летательных аппаратов. Вроде бы и самолет, а не самолет. Но и на гоночную машину смахивает. Все чертежи выполнены в линейном рисунке, и разобрать трудно.

Пожав плечами, Виктор Викторович вернулся в программу диагностики автомобиля и выбрался из-за компьютера в недоумении. Неужели Доктор Шин может со всем этим разбраться?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Военно-транспортный «Боинг-747» – с грузом, обозначенным в документах как «материально-техническая помощь грузинской армии, осуществляемая в соответствии с межправительственным соглашением», – вылетающий чартером в Тбилиси, терпеливо ждал полковника Доусона на военном аэродроме неподалеку от города. Но вот пассажиры, которые летели тем же самолетом, два генерала с целым штабом, добирающиеся только до Португалии, где предстоит промежуточная посадка, терпением не отличались. Когда Доусон наконец занял свое место в пассажирском салоне, он услышал тихое ворчание офицеров, на которое, впрочем, внимания совершенно не обратил и даже не удостоил ворчунов извиняющейся улыбки. Он в гражданской одежде, и от гражданского человека его отличить трудно. Его, похоже, приняли за гражданского федерального чиновника, воспользовавшегося помощью армии. А армия всегда считает, что имеет право претендовать на порядок. И тот факт, что порядок нарушается и рейс задерживается по вине этого самого гражданского чиновника, офицеров раздражает. Все естественно, и раздражение – их проблемы. Доусон же оставался спокоен. Даже тогда, когда один из пилотов нашел его, и сообщил, что самолет опять задерживается, поскольку сейчас прибудет один человек, который летит вместе с полковником, и другой, который желал бы поговорить с Доусоном до отлета. Полковник, соглашаясь, кивнул пилоту.

Что-то пилот объяснил и другим пассажирам, так нетерпеливо торопящим вылет, и в ответ выслушал новую порцию ворчания. Доусон же раскрыл ноутбук, чтобы прочитать содержимое дискеты, полученной в канцелярии, до того, как прибудет человек, летящий с ним. По всей видимости, генерал Хант выполнил обещание, и нашел для полковника помощника и консультанта. Ломать голову над тем, кто еще желает до вылета переговорить с ним, Доусон не стал. Прибудет, все станет ясно.

Занятое полковником место – у самой перегородки между пассажирским и грузовыми отсеками – вполне позволяло заняться секретной информацией, не опасаясь, что найдется желающий заглянуть в монитор через плечо. И плевать на то, что кресло последнего ряда не откидывается, как другие, и не дает возможности выспаться в полете на неделю вперед. Маленькие неудобства не могут пересилить привычку никогда не оставлять никого за спиной. И рядом оказалось свободное кресло – попутчиков в самолете мало.

Дискета, слава богу, раскрылась без проблем. Он стал читать, но войти сразу в курс дела не удалось, поскольку полковник был далек от данной тематики и чаще работал в компании с флотскими, чем с летчиками. Хорошо, что генерал Доусон приказал сотруднику, готовившему материалы, дать обширную вводную часть, чтобы полковник уловил суть вопроса. И Доусону не понравилось сразу, что слишком тесно переплелись в этой истории русские и американские имена. Началось с того, что руководитель фирмы «Локхид», создавшей первый «Стелс»¹³, Бен Рич признал, что „отцом“ их самолета-невидимки является советский ученый Петр Яковлевич Уфимцев, еще в 1966 году опубликовавший в одном из научных журналов свои разработки относительно отражения радиолокационного луча от кромок различных поверхностей не в обратную сторону, а просто в произвольную или заданную сторону, так, что локатор этот обратный луч уже уловить не может. К работам Уфимцева в Советском Союзе, занятом тогда какими-то иными проблемами, отнеслись с прохладцей, чем автора сильно оби-

¹³ Stealth (англ.) – скрытность.

дели. Но его тут же взяли в обработку американцы, и из этой обработки, грубо называемой „полем зрения“, физика не выпускали пару десятилетий и даже пригласили на работу в Штаты. Впрочем, к тому времени сама идея уже была прочно „оседлана“ американскими учеными и интерес к Уфимцеву проявлялся только по инерции. Еще в 1974 году управление по перспективным исследованиям Министерства обороны США приступило к изучению средств снижения эффективной поверхности рассеивания, основного критерия оценки радиолокационной заметности. В основу работы положили высчитанную на ЭВМ модель определения эффективной поверхности рассеивания, созданную математиком фирмы „Локхид“ В. Шрейдером в рамках программы „Эхо-1“. При этом опять же использовались теоретические выкладки П. Уфимцева. Теоретические выкладки вселяли обоснованные надежды. Уже год спустя конгресс выделил ВВС США требуемые суммы на заключение многомиллиардных контрактов с фирмами „Локхид“ и „Нортроп“ по исследованию и разработке самолета-»невидимки«. Первоначально был опробован легкий одноместный самолет и опробован сам принцип, положенный в основу разработки. В дальнейшем фирмы-исследователи представили заказчику макеты летательных аппаратов, установленные на специально смонтированном стенде, имитирующем поисковые радиолокационные лучи. После сравнительных испытаний за основу был взят проект фирмы «Локхид», с которой и был в 1976 году заключен контракт на создание самолета-»невидимки«.

В рамках секретной программы «Хэв Блю» на лабораторном полигоне ВВС США «Флейт Дайнемик» под руководством Бена Рича были построены два самолета, один из которых и стал прообразом будущего стратегического бомбардировщика «F-117». Первый полет 1 декабря 1977 года совершил летчик-испытатель Билл Парк. Многогранная пирамидальная конструкция самолета получила высокую оценку всех наземных служб, но отрицательную оценку пилота – аэродинамические свойства нового самолета требовали существенной доработки. Но в этом и состояло главное противоречие проекта – с улучшением аэродинамических свойств терялась бы «невидимость» самолета, а при существовании «невидимости» невозможно было улучшить аэродинамические характеристики. Тем не менее, основываясь на испытаниях экспериментальной модели, в США была развернута широкомасштабная и дорогостоящая программа по созданию новых самолетов-»невидимок«. И первый «F-117A» был поднят в воздух 18 июня 1981 года летчиком-испытателем Хейлом Фарлеем. А еще через два года самолет был запущен в серию.

Разговоры на трапе не дали полковнику Доусону прочитать до конца подготовленный для него материал. Явно, появился опоздавший пассажир и еще тот человек, что хотел с полковником переговорить. Если из-за этого разговора задержали вылет, то, следовательно, догадаться нетрудно, разговор предстоит конфиденциальный. Доусон встал и шагнул к выходу на трап. В самолет как раз заходили молодой и очень жилистый мужчина неопределенных лет и довольно молодая негритянка.

– Прошу, вот и сам полковник, – сказал бортмеханик самолета, встречающий вновь прибывших.

Доусон перевел взгляд с мужчины на негритянку и обратно.

– Я лечу с вами, полковник, – неожиданно сказала негритянка. – Меня зовут Клер Такуа.

– Что? – непонимающе переспросил Доусон.

– Я лечу с вами по просьбе генерала Ханта, – повторила Клер.

– Можете возвращаться, – холодно ответил Доусон.

– Не поняла? Почему?

– Во-первых, потому, что вы представительница, как это называется, слабого пола. Во-вторых, цвет вашей кожи, мэм, не позволяет вам принять участие в нашем мероприятии.

– Мы же летим в Грузию? – переспросила она.

– Да.

Клер сухо улыбнулась, блеснув ослепительно белыми, как у генерала Ханта, но, в отличие от генерала, не вставными, а своими зубами.

– Я наполовину грузинка. И хорошо владею грузинским языком в отличие от вас...

Доусон хмыкнул и, подумав, принял решение:

– Ладно, проходите в салон.

И повернулся к мужчине. Тот, прежде чем представиться, кивнул застывшему у трапа бортмеханику, намекая на желание говорить без свидетелей. Бортмеханик оказался человеком сообразительным, понял ситуацию без слов и спустился к рабочим, осматривающим шасси.

– Слушаю вас, – сказал полковник, когда бортмеханик был еще на середине трапа.

– Я ваш однофамилец, полковник... Я тоже Доусон... Френсис Доусон, ФБР. – И он показал значок с номером. Значок, посмотреть со стороны, похож на полицейский, и сам полковник не отличил бы его от полицейского, если бы обладатель значка не представился.

– Слушаю вас, – повторил полковник.

– У меня к вам всего несколько слов. В конце девяностых годов я работал в АНБ¹⁴ и курировал вопросы безопасности по известной вам теме. Именно тогда мы начали проверку человека, имеющего доступ ко всей, практически, технической информации по программе «Хэв Блю». Это был американец колумбийского происхождения, чистокровный индеец, по имени Хуахин Шинкуа. Не спутайте, пожалуйста, с профессором Клер Такуа. Фамилии созвучны.

– Она профессор? – переспросил полковник.

– Да, и известный человек. Насколько я понимаю, именно ее отправили с вами потому, что только у нее были готовы документы для вылета в Грузию. Иначе ее могли бы просто не отпустить. «Золотой фонд», так сказать. Она работает по той же теме, по которой работают русские, но они ее слегка обогнали. И хорошо знакома с нашими разработками, так сказать, конкурирующими с ее темой... Но я вернусь к своей теме. Итак, мы начали проверку Хуахина Шинкуа в плановом порядке, как проверяли время от времени всех сотрудников, и натолкнулись на несколько «темных мест», требующих уточнения. Однако уточнить ничего не смогли. Мистер Шинкуа попал в автомобильную катастрофу. Не слишком сильную. Тем не менее совершенно потерял память. Почти полная амнезия. Естественно, его устроили сначала в военный госпиталь, но там врачи ничего не смогли сделать, и через месяц колумбийца перевели в государственную клинику, где он и должен был бы находиться по сей день.

– И что же?

– По документам, он там и находится. Но только позавчера меня попросили, как человека, знающего мистера Шинкуа лично, навестить его, и показать несколько фотографий в надежде, что память частично вернулась к нему.

– Что за фотографии?

– Алексей Еремин, про которого вы, вероятно слышали...

– Русский математик?

– Да...

– И что? Память вернулась?

– Дело в том, что в клинике содержится совсем другой человек с аналогичным диагнозом. Хуахин Шинкуа исчез бесследно.

– И что же?

– Просто информация к размышлению. Началось следствие... АНБ и ФБР действуют параллельно. Но времени с момента обнаружения пропажи Шинкуа прошло слишком мало. Я же сказал, что это было только позавчера... А со времени подмены времени прошло слишком много. Приходится отслеживать многие документы, и искать многих свидетелей, которые давно вышли из нашего поля зрения. Но мы натолкнулись на давний интерес к колумбийцу со

¹⁴ АНБ – Агентство национальной безопасности США.

стороны непонятных людей, предположительно, русских и китайцев. Вы же летите в Россию... Мое руководство посчитало, что вы должны быть в курсе дела. Мало ли что... Кроме того... Ваша попутчица... Профессор Шинкуа был руководителем проекта, в котором работала Клер Такуа.

– Зачем русским или китайцам мог понадобиться человек, полностью потерявший память? – полковник Доусон отнесся к сообщению с пониманием.

– Этого нам знать не дано. Пока не дано... Гипотетически рассуждать бесполезно...

– Теоретически, мог этот человек быть русским или китайским разведчиком? – невзирая на очевидное возражение, полковник продолжил задавать вопросы.

– Точно так же, как вы или я, или Клер Такуа... Только теоретически...

– Тогда я поставлю вопрос по-другому. Мог ли человек симулировать амнезию?

– Имея некоторую подготовку, без проблем...

Полковник Доусон несколько секунд думал, формулируя вопрос и одновременно прокручивая в голове сценарий операции, которую он сам разработал бы для подобного случая.

– Я далек от этих проблем... Поэтому, возможно, спрошу что-то не то... Что вписывается в научные рамки... Есть ли какие-то способы искусственного введения человека в состояние амнезии? Возможно ли отнять у человека память на какое-то конкретное время, а в нужный момент вернуть ее?

– Мы с вами мыслим в одном направлении, – усмехнулся Френсис Доусон. – Не зря мы с вами однофамильцы.

Он достал из кармана большой бумажник и вытащил из него газетную вырезку.

– Это вам для ознакомления... Сейчас наши люди плотно изучают вопрос. И пытаются найти дурака, который передал информацию для публикации в прессе. Добавлю, что это данные из нашей страны. Но есть и косвенные данные о том, что русские еще много лет назад занимались той же проблемой, и весьма успешно. Можно предположить, что и китайцы чем-то подобным интересуются. У них такие разработки всегда были в почете и имели достаточное финансирование. У меня все, полковник.

– Спасибо.

– Удачного приземления. Вы же летите не на «Стелс», и русским радарам будет вас хорошо видно...

– Сбить «Стелс» они не постеснялись бы, а вот мы для них представляем мало интереса. Это они представляют интерес для нас.

* * *

Полковник вернулся в салон самолета под новую порцию ворчания офицеров, теперь уже более откровенное, хотя по-прежнему и не имеющее конкретного адресата. И, как и прежде, не обратил на него никакого внимания. Профессор Такуа заняла место через проход от места полковника и на ряд сидений впереди. Но хотела было пересесть, когда он стал устраиваться на свое место.

– Подождите. Я скоро закончу работу и поговорю с вами.

Клер, придерживая рукой юбку, чтобы не измялась, села на свое место, и полковник невольно отметил, как она изящно изогнулась, и как сквозь блузку обозначилась тонкая талия. Фигурой профессора бог не обидел.

Таким образом, она совсем не помешала Доусону прочитать в первую очередь газетную вырезку, чтобы войти в курс дела более основательно. Там сообщалось, что ученым из медицинского центра «SUNY Downstate» в Бруклине удалось открыть молекулярный механизм,

отвечающий за сохранение информации в человеческом мозге – «носитель памяти», как они его назвали.¹⁵

Полковник вспомнил изгиб талии и невольно бросил новый взгляд на Клер. Она сидела спокойно и не смотрела в его сторону. И он стал читать дальше.

Ученые утверждали, что человеческая память работает по тому же принципу, что и жесткий диск компьютера, и с помощью разработанного ими механизма возможно «стирать» долговременные воспоминания простыми в применении биохимическими методами. Причем они дают гарантию, что способны регулировать процесс стирания во временном масштабе на срок от суток до месяца. При этом человек, с которым проводится операция «стирания», совершенно не теряет навыков, полученных в процессе обучения, и способен вести полноценную жизнь.

В процессе исследований удалось установить, что долговременная память сохраняется за счет синаптических связей между нервными клетками, за что отвечает фермент, называемый «протеин киназ М-зет». Ингибирование препарата позволяет лечить многие болезни, связанные с сильным стрессом, амнезией, старческим слабоумием и другие. При этом разработки ученых позволяют открыть новые перспективы в применении прямого, не опосредованного контроля человеческих масс, и дают возможность зомбирования как отдельных людей, так и целых групп.

Полковник отложил вырезку из газеты на соседнее кресло и поднял взгляд на Клер.

– Профессор! – окликнул он громко, потому что двигатели идущего на взлет самолета гудели громко и натужно.

Она обернулась сразу и вопросительно подняла брови.

– Что такое «ингибирование»? – Доусон членораздельно произнес незнакомое слово.

– В какой области?

– В медицине...

– Угнетение... В разных областях науки это слово имеет сходное, хотя и слегка различное значение. Но в медицине – именно угнетение...

– Спасибо...

Полковник вздохнул, потому что Клер не встала и не подошла к нему, как он надеялся, а разговаривала из своего кресла. Впрочем, он сам попросил ее подождать, пока он не закончит работу. Да, сначала надо закончить работу, а потом уже любоваться фигурой Клер...

Полковник переставил на колени ноутбук.

2

– Видишь их, командир? Я их вижу, а тебя найти не могу, – сообщил по «подснежнику» подполковник Сохно. – Хоть очки поверх бинокля напяливай! Куда ты, на ночь глядя запропастился?

– Ага... До ночи еще добрых десять часов, – возразил в эфире Кордебалет.

– Это неважно, время – понятие относительное. Ау-у, командир...

Боевики долго стояли на одном месте слишком близко от полковника Согрина, чтобы он мог рискнуть и ответить своим офицерам даже шепотом.

– Командир, слышишь, или как? А. Понял. Можешь даже не кашлять. Я и так понял, – Сохно сохранял присущее ему в особо опасные моменты своеобразное и непонятное посторонним чувство юмора. – А мои на том склоне повернулись, как собаки, когда ищут, где присесть, и назад, паразиты, двинули. Спускаться не решаются.

¹⁵ Первичные разработки были завершены только весной 2006 года.

– Али Обейда им головы за такой осмотр снимет, – предположил Кордебалет. – Он, говорят, строг, как ротный старшина.

Наконец-то троица боевиков устала от долгого и бессмысленного рассматривания пространства под ногами. Обменялась несколькими неслышными фразами, и неторопливо, уже не так тщательно продолжая наблюдение, двинулась дальше. Согрин теперь уже смог общаться с группой без опасения быть услышанным:

– Бандит, они сделают круг и выйдут тебе в спину. Будь осторожнее!

– Пусть хоть по спине пройдут, но меня не заметят, – отозвался Сохно. – Надеюсь, не сильно затопчут, хотя я с трудом выношу запах вонючих портянок.

– Мне твое место хорошо видно, – подсказал Кордебалет. – Я подстрахую.

Тем временем первая троица, что занималась разминированием схрона, работу завершила, выбралась на открытое место, отряхнула руки и по переговорному устройству связалась с самим Али Обейдой. Тот приближаться к опасному месту сам все же не стал – осторожностью он издавна славился, а послал туда еще троих боевиков. Начался процесс загрузки. Но из всего имеющегося вооружения, как удалось разведчикам рассмотреть, боевики взяли только все пять «Стингеров», ракеты к ним, и некоторый запас пулеметных патронов в жестяных банках. Но чтобы перенести даже это, всем шестерым пришлось сделать два рейса. И опять в ожидании потянулось время, потому что Али Обейда не торопил свои дозоры, дав им возможность внимательно осмотреть все окрестности. Еще один признак осторожности, рассчитанной на будущее. Но любой осмотр не может продолжаться вечно, дозоры скоро вернулись, ничего подозрительного, кажется, не обнаружив, группа собралась вместе, но уже уставшим от пребывания на одном месте спецназовцам опять пришлось ждать – бандиты решили перекусить здесь же. Должно быть, дорога им предстояла дальняя, и, перед тем как отправиться в долгий путь, им необходим был отдых. Тем более пришли они, судя по всему, издалека. Ноги по колено в грязи, а в ближайших районах дождя не было уже давно. Но, судя по тому, в какую сторону группа сдвинулась для отдыха, направление движения боевики выбрали только одно возможное, и спецназовцы, загодя хорошо изучившие местность, без проблем определили его.

– Пойдут по правому склону вдоль долины, – решил полковник Согрин. – Бандит переходит на противоположный склон, Прыгун наблюдает сверху, я, в должности собаки, двигаюсь по следу.

– Понял, – довольным тоном откликнулся Бандит, которому давно надоело сидеть на одном месте. – Я пошел, командир.

– Мне тоже пора, – ответил и Танцор.

– Двигайте. Далеко не забирайтесь, чтобы не потерять связь.

* * *

Подполковнику Сохно интуитивно хотелось побыстрее выбраться поближе к свету. Место, где он сидел в засаде, было в самом низу урочища, рядом с ручьем, прикрытым свисающими к самой воде кустами, и застоившаяся без сквозняка сырость надоела быстро. Потому он и поторопился покинуть свое убежище и сразу стал взбираться по крутому склону. Именно там, где не решились спуститься боевики. Но, оглядываясь, подполковник прекрасно понимал, что спускаться намного сложнее, чем подниматься. Сейчас склон для боевиков был невидим, и потому Сохно выбрал прямой и кратчайший путь, не обращая внимания на трудности подъема. Не зная, когда боевики снимутся с места, он хотел зайти вперед, чтобы наверху, где склон не такой голый, спрятаться среди кустов и деревьев и контролировать передвижение группы без опасения быть замеченным.

Лес здесь был средней густоты, и прокладывать тропу через бурелом и завалы не приходилось. Деревья и кусты не представляло сложности обойти. Путь подполковнику указывала

муха. Самая обыкновенная, каких и в лесу, и в поле множество. Сначала Сохно чуть не наступил на нее. Но муха успела перелететь на несколько шагов вперед и снова села. Когда человек оказался над ней и поднял ногу, муха полетела дальше. Причем летела она строго в ту сторону, куда Сохно намеревался двигаться, словно путь знала или читала мысли полковника. Летела и садилась. Но едва нога в очередной раз поднималась над ней, муха улетала. И так раз за разом на расстоянии метров тридцати. Может быть, это и дальше бы продолжалось так же, но совсем не характерный для лесных чащоб звук заставил Сохно замереть на месте с поднятой для шага ногой. Муха тоже замерла, и не улетала, но смотреть на нее уже интереса не было. Что это за звук, Сохно, как человек, всю свою сознательную жизнь посвятивший войне, понял сразу – кто-то забросил автомат за плечо. Автомат едва слышно звякнул. Как ни плотно набиты патроны в магазин, они при движении все равно издают звук. Как ни пригнаны одна к другой детали автомата, они тоже при легком ударе о плечо глухо звякают. Этого не избежать...

Нога опустилась медленно, а обе руки подняли по пистолету – Сохно обычно предпочитал вместо автомата носить с собой два АПС.¹⁶ Первый – в штатной деревянной кобуре, присоединив которую к пистолету можно получить удобное оружие для ведения автоматического огня. Но согласно штатному расписанию кобуру положено носить на поясе, а Сохно вместо пояса крепил ее к бедру, на ковбойский лад. Так ему было удобнее пистолет выхватывать. Второй вообще носил, как самурай меч, за плечом. И сам придумал приспособление – спереди открытая кобура крепилась к поясу ремнем, сзади к тому же поясу широкой резиной. Потянешь за ремень, кобура переваливается через плечо, и пистолет падает в руку.

Сохно внимательно слушал. Звук не повторился, но это не удивило, поскольку в перебрасывании автомата с плеча на плечо каждую секунду смысла нет. Но другой звук подполковник все же уловил. Хрустнула под чьей-то неосторожной ногой ветка, и тут же чуть в стороне хрустнула другая, только уже не под ногой, а, скорее всего, под плечом.

Сохно резко свернул в сторону, не пытаясь даже рассмотреть, кто на склоне находится и чем занимается. Это можно сделать и позже. Но этот «кто-то» в состоянии увидеть на противоположном склоне спецназовцев, когда они будут перемещаться. И потому следует предупредить своих.

Двадцати шагов в сторону, если учесть, что люди, встретившиеся подполковнику на склоне, двигались в противоположном направлении, вполне хватило, чтобы стать неслышимым.

– Рапсодия, Танцор, я – Бандит. Тут кто-то, кроме меня, ползает. Старайтесь не показываться, пока я не выясню...

– Я – Рапсодия. Понял. Выясняй.

– Я – Танцор... Ищу их в прицел. Пока не вижу. И тебя не вижу.

– Тут – «елки-палки, лес густой». Днем с огнем никого не увидишь. Включи тепловизор.

– Аккумулятор слаб. Здесь не подзарядишь.

– Включи, – не подсказал, а приказал, полковник Согрин.

– Вижу. – Кордебалет прибор включил. – Так... Не меньше, похоже, десятка... Боевики...

Наблюдают... Крадутся... Это явно не люди Абу Обейды.

– Толя! – скомандовал Согрин. – Бери их под постоянный контроль. Обейду вместе с Абу надо защитить... Так приказали...

– Понял. – Сохно согласился почти покорно. – Я всегда, если ты помнишь, очень любил этого Обейду вместе с Абу... И на завтрак, и на обед, и даже на ужин, хотя на ужин меньше...

– Когда ты отучишься засорять эфир! Работаем.

¹⁶ АПС – автоматический пистолет Стечкина.

3

Большой толстый человек Виктор Викторович, до того как стать бизнесменом, никогда нигде, кроме милиции, не работал, но, как милиционер, он обладал одним ценным профессиональным качеством – никому, даже при наличии доказательств, не верил, даже собственной жене и родным детям, и был всегда бесконечно подозрителен. Это, разумеется, не то качество, что красит людей не принадлежащих к милиции, но, однажды обретя его, уже трудно от него избавиться. И еще Виктор Викторович умело и со знанием дела вербовал себе «стукачей». В том числе и в автосервисах, которыми он владел. И, естественно, не обошел вниманием автосервис в Приволжском, где бизнес обещал стать со временем, может быть, самым успешным. И потому Виктору Викторовичу быстро доложили, что уже после окончания рабочего дня сам Доктор Шин постоянно остается на работе один. За компьютером сидит сосредоточенно и с невероятно умным видом. Раздумывая, Виктор Викторович выждал несколько дней, но ни к какому мнению не пришел и ничего не надумал, кроме как провести по всем правилам допрос. И потому просто сел в машину и поехал вечером в Приволжский.

Пристальное внимание к Доктору Шину со стороны владельца автосервиса было вполне объяснимо. Большой толстый человек, еще будучи начальником местной милиции, естественно, был хорошо и тесно знаком со всей местной, так называемой, элитой. И потому главный врач психо-неврологической лечебницы, еще когда Виктор Викторович в первый раз разговаривал с ним относительно Доктора Шина, согласился за небольшую ежемесячную плату – двадцать процентов от зарплаты Доктора Шина – выпустить своего бывшего пациента из-под тесного контроля. Но и то с неременным условием – если Доктор Шин будет вести себя нестандартно, Виктор Викторович должен немедленно сообщить об этом главному врачу и дать возможность провести с пациентом короткий курс лечения.

– А кто он вообще такой? – спросил Виктор Викторович.

– Этого нам знать не дано, – философически изрек главный врач. – Он сам не знает, и мы не знаем. Знаем только, что китаец. Знаем, что человек образованный... И все... О его состоянии запрашивают из Москвы... Из КГБ...

– Из ФСБ, – поправил отставной начальник милиции, любитель точных формулировок.

– Из ФСБ, – охотно согласился главный врач. – Раз в год я отправляю подробнейшую справку... Так и буду писать, что он дворником работает. Не то, посчитают, что он «проснулся», и тогда его заберут.

Потому Виктор Викторович к Доктору Шину и присматривался с такой основательностью. Очень не хотелось, чтобы китаец «проснулся» и его забрали бы парни из московского ФСБ. И любое «просыпание» казалось большому толстому человеку угрозой.

Впрочем, даже при наличии реальной угрозы он готов был сразу же связаться с главным врачом, чтобы поставить того в известность.

* * *

Виктора Викторовича не обманули. В окне диагностического центра автосервиса горел свет. Дверь была закрыта. На стук не сразу, видимо, торопиться не привык, вышел дежурный слесарь – шиномонтаж работал круглосуточно, поскольку местные дороги изобиловали наличием гнутых гвоздей, которые словно кто-то специально рассыпал, и дежурного выгодно было держать здесь постоянно.

– Где Доктор Шин?

– В диагностике, – кивнул слесарь на закрытую дверь. – Чай ему только что заваривал. Он, зараза, чай ведрами пьет. Только почему-то зеленый.

Простые работяги китайца недолюбливали, это Виктор Викторович уже давно почувствовал. Они его считали придурком, только что попавшим в автосервис из психушки, а его поставили начальником над ними. Есть отчего кривить рожи...

– Зеленый чай для здоровья полезен, – сурово проворчал Виктор Викторович, хотя бы таким образом вступаясь не за Доктора Шина, а за свое решение поставить его руководителем. Он прошел через помещение к двери, толкнул ее ногой. Дверь оказалась закрытой, но на звук послышались шаркающие шаги. И уже через несколько секунд «зараза» Доктор Шин распахнул тяжелую металлическую створку.

– Здравствуй. Я слышал, двигатель шумит. Там стучит что-то, смотреть надо, – с всегдашней вежливостью встретил китаец хозяина. При таком тоне хотелось и традиционный восточный поклон увидеть, и руки, сложенные ладонями перед грудью. Но до этого пока дело не доходило, хотя и сам тон привычного разговора китайца Виктору Викторовичу нравился. Хотя он и знал, что точно таким же тоном Доктор Шин встречает и всех клиентов.

На замечание о шуме в двигателе, которого он сам не слышал, Виктор Викторович внимания не обратил. Он вообще при всем уважении к талантам своего наемного работника предпочитал свою дорогую машину гонять в Москву в фирменный автосервис.

– Ты что так припозднился? – сразу с порога спросил Виктор Викторович, не дожидаясь ответа прошел в бокс и устало опустил свое тяжелое тело в кресло для клиентов. Кресло укоризненно закрипело, но сам он такие звуки слушать и понимать никогда не умел и потому внимания на скрип не обратил, считая, что всякая мебель должна под его весом скрипеть.

– Работаю, – скромно и чуть-чуть виновато улыбнулся китаец.

– Работа уже закончилась. Твоя работа – клиентов принимать и машины смотреть...

Доктор Шин занял вертящееся кресло перед компьютером и повернулся к монитору боком, чтобы видеть Виктора Викторовича. Но не сказал ничего, хотя хозяин, похоже, ждал отчета.

– Что делаешь? – Большой толстый человек все же не выдержал и задал новый вопрос.

– Так... Кое-кое пытаюсь... – разговаривать чисто по-русски Доктор Шин так и не научился, несмотря на богатую практику общения с клиентами за последние месяцы.

– Что – кое-кое пытаешься? – Это уже прозвучало сурово и почти в приказном тоне. А почему бы, собственно говоря, и не должно так звучать, если Доктор Шин работает на предприятии Виктора Викторовича и на его оборудовании...

– Клиент тут одна появился... Крутой и еще круче... Жалуется, по три штрафа в день платит... Менты, говорит, на каждом углу с радарам...

– Антирадар, что ли, делаешь? Зачем? Они продаются...

Доктор Шин удивленно поднял брови на самый лоб, и Виктор Викторович в первый раз заметил, что глаза у китайца не хитрые, как у дворняжки, которая выпрашивает что-нибудь съедобное у прохожих, – так ему казалось раньше, а откровенно умные.

– Что-то подобие... Купить можно... Сделать интересно... Клиента просит, чтобы ни у кого не был... Только у него... Крутой и еще круче... Такой хочу, чтоб ни одна радар не видела... Такие американцы для своих военных самолетов делать хотят... Слышал?.. Самолет-«невидимка»...

– Ну-ну, – Виктор Викторович пожевал губами, формулируя вопрос, и сурово спросил: – Скажи-ка мне честно – кто ты такой? Антирадары не дворники делают... И ты не дворник... Так кто же ты?.. Кем ты раньше был?..

– Моя не помнит, – Доктор Шин виновато пожал плечами и улыбнулся.

– Ты на компьютере работаешь так, словно всю жизнь за ним просидел. А компьютеры появились, когда ты уже в больнице лечился... Не в палате же тебя учили?

– Меня не учили, я здесь научился...

– Быстро ты научился... Талантливый, наверное... И журналы на иностранных языках тоже здесь читать научился? Говори... Не то я тебя отправлю назад метлой махать...

– Моя не помнит, – согласился, как признался, Доктор Шин, слегка испуганный. – Взяла журнала, стала читать... Оказывается, умею...

– На каком языке читаешь? – спросил Виктор Викторович.

– На разных... Английский, немецкий, мало-мало по-французски, мало-мало лучше по-испански, конечно, китайский знаю...

Это было уже вообще вне понимания отставного начальника районной милиции. Ну, знать, кроме русского, еще и китайский, это было бы нормальным. Знать еще и английский так, чтобы читать научные журналы – это уже больше, чем нормально. Но читать на многих языках – это уже слишком...

– И где же ты этому учился?

– Моя не помнит...

Это был уже тот самый случай, о котором говорил главный врач лечебницы. И связываться с ФСБ, наживать себе возможные неприятности Виктору Викторовичу не хотелось. Придется, видимо, несмотря на позднее время, захватить к главному врачу домой, чтобы завтра снова не отправляться в Приволжский...

Ничего не сказав Доктору Шину, Виктор Викторович поднялся, вздохнул и пошел к выходу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

Полковник Доусон поймал себя на том, что ему стало трудно вчитываться в текст на мониторе. Почти физически трудно... Взгляд помимо воли поднимался на выглядывающее из-за спинки кресла плечо Клер Такуа и плавную, изящную линию этого плеча, переходящую в темно-блестящую шею. Испытываемые Доусоном чувства были не в характере полковника, которому женщины никогда не мешали жить и работать. По крайней мере, с тех пор не мешали, когда он, прожив только два года в браке, развелся. Нынешнее состояние, сразу привычно принятое на контроль, и потому осознанное, насторожило и заставило взять себя в руки. И, теперь уже не поднимая глаз, Доусон продолжил чтение, хотя и пришлось вернуться на несколько абзацев назад, к первому испытанию самолета...

Итак, первый «F-117A» был поднят в воздух 18 июня 1981 года летчиком-испытателем Хейлом Фарлеем. А еще через два года поиска и проверок самолет был запущен в серию. За период с 1982 по 1990 годы были построены 59 таких самолетов. Первое испытание в боевых условиях было произведено в ходе операции «Джаз Коз» 21 декабря 1984 года, когда два «F-150A» сбросили девятисоткилограммовые бомбы с лазерным наведением на казармы Рио-Гато, где, как предполагалось, укрывался Норьегга, президент Панамы. К сожалению, летчики ошиблись и сбросили бомбы на пустырь. Боевые испытания были признаны неудовлетворительными, и все оправдания военных летчиков в расчет не принялись.

Во время операции «Буря в пустыне» в Ираке зимой 1991 года были задействованы все пятьдесят шесть самолетов «F-117A» из 415-й и 416-й тактических истребительных эскадрилий. Самолеты совершили тысяча двести семьдесят два боевых вылета, пробыв в небе в общей сложности шесть тысяч девятьсот часов, и сбросили на иракцев более двух тысяч бомб общим весом тысяча восемьсот четырнадцать тонн. Командующий многонациональными силами в зоне Персидского залива генерал Чарльз Горнер считает, что успех операции во многом определило наличие «F-117A», и предположил, что и в дальнейшем, с совершенствованием тактики и средств наведения, использование самолетов-«невидимок» будет еще более выгодно и начнет применяться гораздо более широко.

Однако во время операции один самолет, по утверждению иракских средств ПВО, был сбит с помощью советского зенитно-ракетного комплекса «Оса». Советский Союз даже опубликовал фотоподтверждение этого случая, однако согласно докладу штаба многонациональных сил самолет разбился из-за неравномерного схода бомб с крепящих пилонов. Вопрос о том, действительно ли в Ираке был сбит «F-117A» до сих пор остается открытым. И самолет продолжал оставаться гордостью военно-воздушных сил США, пока 27 марта 1999 года во время бомбардировок Югославии не был сбит ракетой из зенитной установки «Sa-3», в советской классификации называемой С-125. Третья батарея двести пятидесятой бригады противовоздушной обороны под командованием полковника Золтана, похоже, специально охотилась за самолетом-«невидимкой». Есть основания с высокой степенью вероятности предполагать, что методику этой охоты разрабатывали российские военные специалисты. По крайней мере, они сразу оказались в районе падения «F-117-A», и исследовали обломки самолета. Возможно, что-то увезли в Москву для исследования в военных институтах.

Полковник Доусон поморщился. Как профессионал, он хорошо понимал, что военное противостояние Соединенных Штатов с Россией не прекратилось с развалом Советского

Союза. И период, когда русские военные секреты за сущие гроши и даже с удовольствием предоставлялись противоположной стороне чуть ли не самыми влиятельными российскими чиновниками, длиться вечно не может. Сейчас это противостояние медленно, но неуклонно набирает обороты, хотя в официальных кругах об этом и не говорится. Россия, как преемница СССР, быстро встала на ноги и тоже желает быть супердержавой. И военный, и экономический потенциал позволяют ей это.

В молодости полковник работал как раз против Советского Союза, дважды бывал в Москве, дважды в Новосибирске и однажды нелегально в Челябинской области, интересуясь пресловутым Челябинском-40, который сейчас называют Снежинском, и не скрывают, что там находится стратегический ядерный центр, источник заражения всего региона радиацией. Потом новое направление работы, но вот снова довелось вернуться к прежней деятельности. Вынужденно, и без подготовки.

Однако, сколько не вздыхай, а работать надо...

И Доусон, перейдя к следующему разделу, продолжил изучение материалов...

Советский Союз начал разработку самолета-«невидимки» давно, но первоначально пошел по пути, опробованному немцами в период Второй мировой войны. Когда английские самолеты, оборудованные радаром, начали топить слишком много гитлеровских подводных лодок, немецкие инженеры в срочном порядке разработали покрытие для рубок лодок. Устойчивая к водной среде краска, вместо жесткого отражения, мягко гасила лучи радаров. Потери существенно снизились. Многие советские и российские военные самолеты имели покрытие, созданное по немецкому принципу. Однако при современном уровне радиоэлектроники и мощности радаров этого уже оказывается недостаточно. И в начале восьмидесятых годов прошлого века начались работы по новой, отличной от американской, программе. Последующие катаклизмы политического характера на долгие годы эти работы прервали, но в последние годы они были возобновлены, и российским ученым удалось решить задачу, над которой пока безуспешно работают американцы.

Принцип создания самолета-«невидимки» русские выбрали свой, отказавшись от американского аналога – самолет снабжается генератором неравновесной плазмы, создающим вокруг летательного аппарата экран, гасящий лучи радаров. Такой генератор создан и американскими специалистами, однако он полностью гасит и работу всех электронных систем самого самолета, следовательно, непригоден для использования...

* * *

– Миссис Такуа, – позвал Доусон.

Она обернулась и поправила:

– Мисс.

Доусон с чувством удовлетворения кивнул. С незамужней женщиной в служебной поездке меньше хлопот. По крайней мере, ей не будет звонить через каждый час муж и спрашивать, что и где лежит на кухне и чем можно поточить большой кухонный нож. А уж если эта поездка длительная и тем более сопряжена с риском, тем более.

– Мисс... Прошу вас. – Он показал на свободное сиденье рядом с собой.

Она пересела не сразу, но вздох он уловил. Полет длился уже около часа, и, как и другие пассажиры, профессор, должно быть, слегка вздремнула, хотя глаза ее и не выглядели туманными со сна. Впрочем, у людей с негритянской кровью или с примесью этой крови глаза после сна выглядят не так, как у белых людей. Они не заволакиваются легким туманом, а слегка краснеют. Но у нее белки глаз и не покраснели. Должно быть, долго ждала, когда полковник позовет ее, и только-только начала дремать.

– Ситуация у нас с вами не простая. Мы будем участвовать в неподготовленной операции, чего я сам категорически не люблю. Тем не менее приходится за это дело браться. Более того, в курс событий я вхожу только сейчас, читая то, что для меня подготовили...

– Это я готовила материал, – сказала Клер.

– Вот как. Тем лучше. Тогда я хотя бы в общих чертах, как человек, знающий физику в пределах понимания принципов полета пули, выпущенной из моего пистолета, хотел бы вас сразу спросить – что такое есть плазменный генератор. Я, кстати, знаю, что в моем автомобиле стоит генератор... Надеюсь, не плазменный... И уж тем более не генератор неравновесной плазмы... Потому что автомобилю равновесие весьма, мне кажется, необходимо.

Голос у полковника плавный, но убедительный. Как каждый разведчик каждой спецслужбы мира, он проходил специальный курс общения с противоположным полом. И знал, когда и какой тон ему следует выдерживать. И сейчас выбрал тон безошибочно. Клер от такой мягкости и признания ее собственного приоритета, совсем не сказанного в тоне комплимента, и потому подозрения в намеренности целей не вызвавшего, улыбнулась. И он, опять, как опытный разведчик, «прочитал» и эту улыбку – ей становится приятно с ним работать. Конечно, это только тонкая нить, которую следует укреплять, но начало положено...

– Я работаю как раз над альтернативной технологии «Стелс» темой. И начала работать раньше, чем «Стелс» успел зарекомендовать себя и с хорошей, и с плохой стороны... То есть меня в предвзятости упрекнуть невозможно, потому что я сразу отстаивала собственную линию. Пусть она и идет в разрез с официальной...

– Можно вас называть просто Клер? – Доусон начал нить укреплять, и не назойливо, не настаивая на своем праве руководителя ситуации.

– Мне это будет привычнее...

– Значит, вы, Клер, считаете, что технология «Стелс» себя изжила?

– Не просто изжила... Она сразу была не правильной. Но лоббирование интересов «Локхид» оказалось сильнее, чем чувство национальной безопасности...

Это было произнесено с аффективной реакцией и достаточно громко. Так громко, что заставило проснуться и обернуться нескольких пассажиров впереди. Но Доусон сразу отметил черту характера профессора – склонность к горячности и к категоричности выводов. Эта та черта, которой можно при необходимости умело пользоваться, побуждая Клер к действиям, к которым она может не иметь склонности от природы. Он же умело составлял во время разговора ее психотипический портрет и, кажется, уже знал, как с ней работать дальше.

– Даже так?

– Я считаю, что именно так... И готова это доказать, основываясь...

Полковник приложил палец к губам и чуть заметно улыбнулся. Клер поняла и понизила голос до шепота:

– И готова это доказать, основываясь на заключениях разведки.

– Ну что же, мне будет интересно послушать, – согласился Доусон, и чуть-чуть поворочался в кресле, умело показывая, что он устраивается удобнее именно для того, чтобы выслушать высказывание своей помощницы. – Если это возможно, постарайтесь обойтись без технических подробностей, поскольку я все равно ничего не пойму.

2

Каждый шаг был таким, словно от него жизнь зависела, – оступишься и в пропасть свалишься. Впрочем, это совсем не мешало подполковнику Сохно передвигаться быстро. Осторожная, крадущаяся поступь, когда не раздается ни звука, давно стала автоматической. Он даже под ноги почти не смотрел, чувствуя, куда ступает и что за этим шагом последует.

Полковник Согрин приказал взять неизвестную группу под постоянный контроль, и Сохно справедливо рассудил, что, прежде чем взять группу под контроль, следует все же посмотреть, что же это за группа. Тепловизор Кордебалета не позволяет определить сквозь листву принадлежность неизвестных людей к той или иной противоборствующей стороне. Вообще непонятно, кто это такие. Но если спецназ ГРУ здесь быть не может, то вполне может оказаться спецназ МВД, могут оказаться милиционеры и пресловутые «кадыровцы», вчерашние боевики. Этих, последних, вообще невозможно отличить от боевиков настоящих ни по одежде, ни по манере поведения. Но если Абу Обейду следует охранять, то охранять его следует от всех, невзирая на персональные погоны или принципиальное беспогоние. И охранять предельно жестко, что называется, «на грани фола», а, может быть, порой и переступая эту грань. Сохно подобные приказы всегда понимал однозначно, и выполнять их умел, основываясь именно на собственном понимании.

Кусты горного почти неплодоносящего орешника оказались слишком густыми, чтобы пробраться сквозь них без звука. И неизвестная группа, естественно, шла в обход, потому что маскировку соблюдала. И на орешник надеется как на прикрытие с тыла. Сохно это сразу понял и потому пробираться решил именно здесь. Если невозможно в полный рост идти, если невозможно идти пригнувшись, если невозможно даже на четвереньках пробираться, а не продаться, то, оказывается, вполне можно проползти так, чтобы не касаться переплетения более тонких ветвей. А более толстые, растущие пониже, не будут трещать, даже если их заденешь. Но лучше вообще не задевать, потому что с толстой ветки движение передается на более тонкие. Но ползать, распластавшись по земле, Сохно умел хорошо. Множество сотен километров за свою военную карьеру наползал на учебных занятиях, стараясь не задевать натянутую над спиной колючую проволоку. Здесь не занятия и проволоки нет. Но там, если заденешь, можно обойтись просто йодом, а потом поработать иглой и ниткой, зашивая штаны. Здесь ни йод, ни иголка с ниткой уже не понадобятся... Заберешься в густые заросли, тебя заметят, начнут стрелять, а у тебя даже не будет возможности перекатиться после ответной очереди. Некуда перекатываться.

Те парни из неизвестной группы это, похоже, осознали хорошо и орешником прикрылись. Но Сохно пополз в него именно потому, что с этой стороны его не ждут. И правда, пробравшись, извиваясь неслышным ужом, через неширокую полосу, оказалось, что попал он на очень удобную позицию для наблюдения. Кусты орешника шли до каменистого обрыва. Пусть и невысокого, всего-то около двух метров. По краю обрыв густой и высокой травой зарос. А там, под обрывом, шла тропа, и за тропой склон прикрывала молодая, чуть выше человеческого роста густая еловая поросль. Ее-то простая оптика «винтореза» Кордебалета и не смогла «прострелить» полностью. И даже тепловизор не помог разобраться, что за люди в молодом ельнике прячутся. Но это оттуда, с противоположного склона они не видны, как не видны и снизу. А сверху группу можно не только рассмотреть и пересчитать по пальцам, если пальцев хватит, но и свободно почти полностью уничтожить, если возникнет такая необходимость.

Сохно насчитал двенадцать человек. На два больше, чем Кордебалет со своим тепловизором. Должно быть, когда он их рассматривал, пара человек за камнями отдыхала, и потому не «светилась» в прицеле. Камней среди ельника было достаточно, и даже таких, за которыми укрыться несложно. Но укрывались не все, а только двое наблюдателей. А остальные собрались в небольшой яме, где командир группы проводил то ли инструктаж, то ли военный совет в полевых условиях. Но хватило бы только двух брошенных одна за другой гранат, чтобы группа прекратила свое существование. Может быть, после этого уцелели бы сидящие чуть в стороне наблюдатели. Но Сохно знал за собой одну особенность: он редко промахивался при выстреле, когда очень хотел не промахнуться.

Это были, скорее всего, настоящие боевики. Хотя полную гарантию, что это не кадыровцы, Сохно тоже не дал бы. Кадыровцев стало слишком много, и встретить их можно было

уже в любой части Чечни. А координировать с ними свои действия – это значит подвергать всю операцию угрозе срыва. Ходили слухи, и, наверное, небезосновательные, что бывшие боевики, официально перейдя на службу к власти, не совсем порвали со своим прошлым и имеют немало друзей в среде противника. И кто даст гарантию, что они не захотят своих друзей предупредить.

Но сейчас вопрос был даже не в этом. Согласно сводкам в группе Абу Обейды не было чеченцев – Обейда предпочитал воевать исключительно с наемниками. И его настоящие чеченцы предупреждать, скорее всего, не стали бы. А вот уничтожить такого известного человека со всей группой – это с удовольствием. Кстати, вспомнил Сохно, и отдельные полевые командиры чеченских боевиков тоже не против были бы уничтожить Обейду. Так что умозрительно решить вопрос о том, кто перед ним, подполковник Сохно не мог.

Возможность для атаки была великолепная. Такая возможность за всю боевую карьеру, может быть, раз в жизни предоставляется! Только пара гранат... И пара выстрелов... И все... И даже помощников не надо... Неплохой результат – один против двенадцати... Но как отреагирует на это сам Обейда – это уже иная тема. И решиться на атакующие действия без согласия полковника Согрина Сохно тоже не мог. А разговаривать по «подснежнику», когда находишься так близко от противника – это еще одна возможность себя выдать. Пришлось разворачиваться на участке, где и ящерице развернуться трудно. Но Сохно развернулся и начал отползать вверх по склону, пересекая полосу орешника в обратную сторону. Там, уже на выходе из зарослей, осмотрелся и включил передатчик.

– Рапсодия, я – Бандит!

– Слушаю тебя, Толя, внимательно, – отозвался полковник Согрин.

– Двенадцать человек. Двое – наблюдают. Остальные совещаются в ямке. Пара гранат, только пара гранат, и их нет. Жалко возможность упускать.

– Принадлежность?

– Похожи на бандитов. Слышал только отдельные слова. Может быть, чеченцы. Язык похожий, хотя смысла не уловил.

– «Кадыровцы» тоже на бандитов похожи.

– Толя, средства связи не посмотрел? – вмешался в разговор Кордебалет. – У кадыровцев хорошее обеспечение связью. Лучше, чем в армии. Должна быть малогабаритная рация. Антенна обязательна.

– Смотрел. Средств связи не обнаружил. Может, есть в свернутом виде. Какой-нибудь ранец, как у тебя. Сняли, и положили за камень, чтоб плечи не утруждать.

– Вооружение?

– Два РПК,¹⁷ миномет, автоматы, две «Мухи»,¹⁸ снайперская винтовка. Винтовка иностранная, на ножках под стволом, вся под цвет камуфляжа. Но не крупнокалиберная. Автоматы разнокалиберные, у каждого по вкусу и по возможностям.

– У кадыровцев тоже могут быть разнокалиберные, – возразил полковник. – Никаких гранат. Категорично! Надо выяснить, что они здесь делают. И Обейду шумом можем спугнуть, и своих, чего доброго, можем «положить».

– Что они делают? – проворчал Сохно. – За Обейдой вместе с Абу следят. По-доброму, могли бы уже и уничтожить если не всех, то почти всех... Сверху, неожиданно... Не уничтожают. Чего ждут?

– Вот этого ты после своих гранат никогда не узнаешь! Сможешь кого-то одного захватить?

– Был бы заказ... – усмехнулся Сохно. – Пошел выполнять.

¹⁷ РПК – ручной пулемет Калашникова.

¹⁸ «Муха» – ручной гранатомет одноразового пользования.

- Ты выполняй. Я пока свяжусь с генералом Спиридоновым.
- Понял. Конец связи. Там я разговаривать не смогу.

* * *

Заказ, грубо говоря, в устах подполковника Сохно означал поставленную задачу. А если задача была поставлена, он всегда старался ее выполнить как можно быстрее и как можно качественнее. Сразу сообразив, что удобнейшая позиция для наблюдения и не менее удобная позиция для атаки, занимаемая им несколько минут назад на оконечности обрыва под зарослями орешника, для новой задачи не годится, потому что, выбираясь из орешника, он становится заметным для любого случайного взгляда тех людей, что сидят в ямке и чего-то ждут. Просто кто-то взгляд поднимет, и все... И даже взгляд поднимать не надо, потому что периферийное зрение в напряженной боевой обстановке всегда четко реагирует на любое движение в стороне... И потому Сохно решил обойти группу со стороны. И при этом справедливо рассудил, что, поскольку боевики стараются быть незамеченными другими боевиками, отдыхающими внизу, следовательно, они за ними следят. И двинутся вовсе не в противоположную сторону той, куда двинет своих людей Абу Обейда. А последнее он уже знал.

Естественно было рассудить, что захватывать «языка» следует вовсе не в той ямке, где сидят десять человек. И потому он, прекрасно запомнив диспозицию, двинулся в сторону крайнего наблюдателя, с увлечением таращащегося в окуляры бинокля. Сохно уже знал, что в настоящее время боевики Абу Обейды обедают, чем Аллах послал. И уже из того, как неотрывно смотрел за этим действием наблюдатель, понял, что тот голоден и все его мысли сейчас о еде. Сохно сделал два шага, совершил длинный прыжок и, приземляясь опустил кулак на затылок наблюдателя, внешне здоровьем не отличающегося. Удар кулака пришелся именно туда, куда и следовало, сразу «отключив» наблюдателя. Подполковник бросил быстрый настороженный взгляд по сторонам. Нет – опасности никакой. И Сохно, легко подхватив худосочное тело на руки, в несколько скачков достиг кустов и скрылся за ними. Скачки, правда, с такой ношей уже не были кошачьими, но все же оказались настолько быстрыми, что никто из боевиков не заметил исчезновения товарища. Потом уже не скачками, а просто бегом – вверх, подальше от места действия, чтобы можно было чувствовать себя в безопасности и спокойно провести допрос.

И, только оказавшись уже в добрых пятидесяти метрах от зарослей орешника, подполковник бросил свою надоевшую ношу на землю и перевел дыхание. Не забыл при этом вздохнуть – на пенсию в самом деле пора. Раньше, бывало, ему такие короткие, но интенсивные нагрузки ничего не стоили. А теперь приходится напрягаться и потом приводить дыхание в порядок. Пятьдесят с лишком – возраст сказывается.

Сохно наклонился и приподнял капюшон камуфлированной куртки. При ударе капюшон сдвинулся, и закрыл лицо боевика. Сейчас захотелось в это лицо взглянуть. Взглянул и вздохнул еще раз. Перед ним был парнишка, почти мальчишка. От силы, лет шестнадцати, может быть, и моложе.

- Рапсодия, я – Бандит!
- Слушаю, Толя.
- Вынес с места их наблюдателя.
- Что говорит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.